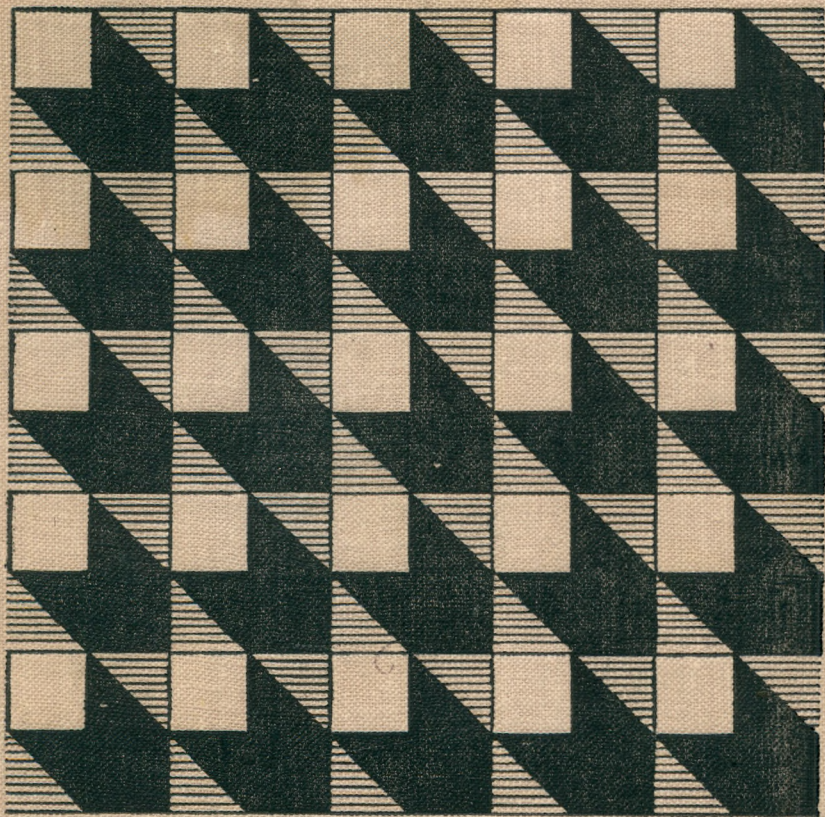

*ФРЕНО
ГИЛЬВИК*

Из французской поэзии

Из французской поэзии

ФРЕНО

ГИЛЬВИК

Из французской поэзии

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО
М. КУДИНОВА и М. ВАКСМАХЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕСС“ МОСКВА 1969

РЕДАКТОР Е. БАБУЦЬ

Андре ФРЕНО

ПЕРЕВОДЫ МИХАИЛА КУДИНОВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
БОРИСА СЛУЦКОГО

7-4-4
92-68

РОДИНА В СЕРДЦЕ

Объясняя читателям современных поэтов Запада, часто приходится говорить о бездне, которая отделяет их внутренний мир от нашего. На страницах таких объяснений мелькает слово «отчуждение».

С Андре Френо не приходится делать ничего подобного. Этот бургундец по происхождению, парижанин по месту жительства понятен и ясен каждому любящему стихи и у себя на родине, и в нашей стране, и, пожалуй, в любой стране мира. В книге Андре Френо нет ни одного подстрочного, объяснительного примечания. И это в XX веке, когда поэты так разошлись с читателями во вкусах, пристрастиях, даже в языке! И это во французской поэзии, которая так часто обгоняла поэзию других народов на пути чистого экспериментаторства, формального поиска. Френо мог бы сказать о себе словами Пикассо: «Я не ищу, я нахожу».

В стихотворении «Портрет Жака Превера» Френо говорит:

Испытал он в жизни не меньше,
Чем каждый из нас, но при этом
Верил упорно в счастье
И никогда не сдавался.
Внушая страх негодяю,
Он помогал влюбленным
Смотреть с восхищеньем на розу
И вырывал пины
У старого, страшного неба,
Чтобы разбитому сердцу
Преподнести на ладони
Самую чистую радость,
Усыпанную цветами.

Это портрет Превера, но, конечно, это портрет самого Френо и каждого поэта, который помнит о долге, накладываемом талантом.

Внешне Френо никак не выделяется среди французов своего возраста — ему сейчас 60 с небольшим лет. Крепкий, коренастый, скромный. Ничего показного, никаких аксессуаров профессии. Нужно внимательно взглядеться в его прикрытые тяжелыми стеклами очков глаза, чтобы увидеть в них остроумие и острый, независимый ум. Этот шестидесятилетний человек мог бы быть и учителем, и чиновником, и солдатом, и просто пенсионером. Френо действительно был учителем и недолго солдатом, и пленным в немецком лагере, и очень долго чиновником, а недавно стал пенсионером. Французским поэтам, как и всем поэтам современного Запада, редко удается жить на доходы от стихов. Тиражи слишком невелики, книги нередко убыточны, поэтому у каждого поэта за спиной длинная трудовая биография, вторая профессия или даже несколько профессий,

Френо много знает — то, что узнают из книг, и то, что усваивают на собственной шкуре. Однако недаром он учительствовал и профессорствовал. Френо всегда помнит о читателе, точно так, как педагог всегда помнит об учениках. Ясность Френо — не только свойство его ума и не только национальная, идущая еще от Декарта традиция. Это неотъемлемая часть его благородной души. Темнить, путать, умышленно перусложнять — все это не для Френо.

Хочется обратить внимание на одну особенность пути поэта. Он выступил со стихами очень поздно. В 1942—1943 годах тридцатипятилетний Френо печатает сочиненную, по-видимому, еще в плену, откуда он незадолго до этого бежал, поэму «Волхвы».

Арагон, неутомимый пропагандист поэзии, прозы, живописи, «открывает» Френо, с присущей ему дерзостью называет доселе никому неизвестного беглого пленного одним из самых больших поэтов Франции. В это же самое время другие представители французского антифашистского подполья — Андре Мальро и Рене Шар — приветствуют новый талант. Элюар называет его «певцом сражающейся истины». Надо представить себе Францию того времени, оккупированную, но не поработенную Францию в состоянии небывалого духовного подъема, «тайной свободы», как сказал бы Блок. Надо представить себе Френо, дебют которого был встречен восхищением людей, которыми он восхищался. Изголодавшийся пленный, в несколько месяцев ставший одним из признанных поэтов великой страны, сменивший рабство на активное участие в подпольной борьбе, испытал счастье, редко выпадающее на долю поэта. Отблеск этого счастья озаряет весь дальнейший путь Френо. Как ни трагична описываемая им реальность, у Френо нет отчаяния.

Вчитайтесь в маленькое, пятистрочное стихотворение «Будущее»:

Будущее нам перестало казаться пустым:
настоящее нравится нам
невыразимо, и мы друг из друга,
словно из гор, добываем слова,
рожденные в одиночестве.

Могут возразить, что это стихи о любви. Однако, чтобы так любить, надо быть цельным человеком.

Через всю поэзию Френо странствует образ его родины, образ Франции. «Я выпустил в мое сердце родную страну», — пишет он в стихотворении «Обретенная страна».

...я чувствую связь
и с моею страной, и с этой округой,
где навстречу выходят ко мне деревушки,
кричат петухи, опереньем пылая,
и стены надежны, и пахнет вербеной,
по склонам ползут виноградные лозы,
и падают тени от облаков
на долины, где злаки желтеют.
Как мне дорого все, что я вижу сегодня,
по дороге шагая!

Обретение родины — это чувство роднило многих больших поэтов Франции в годы войны, оккупации и подполья. Земля, утраченная в долгие годы поисков и экспериментаторства между временными десятилетиями, вторично утраченная во время оккупации, была обретенна в тяжелой борьбе за освобождение. Вместе с землей, родиной, Францией в поэзию вернулась и ясность, потому

что подпольные сборники печатались для всех французов, а не только для гурманов, а может быть, и потому, что рисковать головой стоило только ради всеобщих чувств и важных мыслей.

Внимательный читатель этой книги, несомненно, обнаружит, что Франция чаще всего воплощается у Френо в двух непохожих образах. Во-первых, в образе его родной Бургундии, земли, где шахты соседствуют с виноградниками и где в маленьком городке в доме добродородного аптекаря родился и вырос Андре Френо. Во-вторых, в образе Парижа, где Френо живет с восемнадцатилетнего возраста. «Моя гордость, мой праздник, чудесная тайна моя»,— такие слова находит он для Парижа.

Как это ни странно, в описаниях огромного столичного города и маленького бургундского местечка много общего. И великий город и маленький на страницах Френо кажутся уголающими в солнечном свете. И это понятно. Френо очень любит города своей земли. В прекрасном стихотворении «Древняя память», вспоминая минувшее тысячелетие французской истории, Френо перечисляет не только Орлеанскую деву на костре, но и «огромное солнце, позолотившее гору, упорное мужество предков, изящество тонких ремесел», а также «лицо удивленной луны, блеск рассвета над хутором и над усадьбой, пшалеры фруктовых деревьев». В самом конце этого блистательного перечня он ставит себя и свою любимую, ни в коем случае не отрывая ни себя, ни ее от Франции, от настоящего, прошлого и будущего своей родины.

В стихотворении о Париже продавцы на ветру и голос поэта стоят рядом, в одной и той же строфе.

Совершенно ясно, что перед нами не отчуждение, а слияние поэта с землей, народом.

Поэтика Андре Френо связана с его восприятием мира. Он хвалит Превера за то, что тот, «чтобы детей позабавить... играет словами». Игра словами, а без них трудно вообразить себе современную поэзию, признаются, но им отводится надлежащее место. Отношениям между поэтом и словами посвящено стихотворение «Вторжение слов». Вот его начало:

Я словам улыбаюсь. Я очень люблю,
когда начинается это,
когда, собираясь, они окружают меня,
словно крики лягушек во время метанья икры.
Они прыгают, перекликаются,
и разбегаются, и окликают меня,
и сбегаются снова, и сам я не знаю,
кто им ответит — я или эхо,
порожденное гулом, который возник у меня в
глубине.

Как тут не вспомнить знаменитый гул из статьи Маяковского «Как делать стихи», гул, который, по Маяковскому, у него всегда предшествовал слову?

Книга Френо переведена Михаилом Кудиновым. Русский поэт давно и близко знает французского. Города и веси Френо для Кудинова не только стихи, не только книга, но и живое воспоминание. Кудинов отказался от перевода больших философских поэм Френо, представив его наиболее ценной и наиболее близкой нам частью его поэзии — лирическими стихотворениями.

Андре Френо, уже четверть века читаемый и ценимый у себя на родине, начинает свой путь к сердцам советских читателей.

Борис Слуцкий

НОТР-ДАМ

Куда
вдоль берега дня ты идешь
в мантии,
сотканной из неувядшей листвы и химер?
Перед светлым величьем твоим
меркнет все:
и кусты облаков,
и линии крыш черепичных,
и дождь... накапливать стал.
О, позволь мне идти за тобой,
дева юная, что на опушке Паризжа,
покраснев, улыбается нам.

ИЛЬ-ДЕ-ФРАНС

За деревьями спрятан боярышник. Контур его
самый тонкий из всех на земле.

Улыбается небо, птиц обучая
песням, которые синяя птица поет.

На полянах приветливых май свои игры ведет,
зелень тихо склонилась над девочкой спящей,
лесные уголья вдали: Иль-де-Франс.
Я его получил по наследству. Я пью его
из уплывающих рек.

ТИШИНА В БУРГУНДИИ

Изгородь из тополей, высокие стены,
за которыми прячется время-смотритель;
холмы вдалеке и замок старинный;
общинные земли — объект нескончаемой тяжбы.
Возле телеги — неторопливый кузнец,
повредивший руку во время работы;
рядом с давилей — петух, и плуг чуть поодаль;
в пруду, отраженная вместе с листвою,
дрожит на воде черепица, покрытая лаком;
а за плетнем — виноградник, на ветке — щегол.
Пунцовая радость лозы в осеннюю пору.
В сараи унесены купорос и корзины.
Все становится ясным и четким зимою.
Передышка... Дома согреваются песней.

ДРЕВНЯЯ ПАМЯТЬ

Облокотившись на камень,
я думаю о тысячелетье минувшем,
и в памяти: юная Франция, на необжитых холмах,
водоемы со спящей водой,
среди чащи лесной — клин земли обработанной,
сбор винограда впервые,
лицо удивленной луны,
блеск рассвета над хутором и над усадьбой,
шпалеры фруктовых деревьев,
эскорты ворон, испуганный крик,
на костре — Орлеанская дева,
терновник под снегом,
коварные зори, глухие закаты,
огромное солнце, позолотившее гору,
упорное мужество предков,
изящество тонких ремесел,
достоинство и отречение,
смерть древняя,
боль ежедневная,
горечь любви,
побледневшее счастье,
и ты, и я сам — так немного... почти ничего.

СЕВЕРНЫЙ ВОКЗАЛ

И жизнь такая, и город такой —
словно насквозь продырявили их.

Гуща домов
на фоне зари.
Рельсы и дым
вдали исчезают.

Гулко грохочет
огромный мост...
Стоит ли ждать
того, кто уехал?

И ты отправляешься пить вино
в соседнем баре.

ДЕНЬ

Вот уже уходит ночь. И огромная
рыба появляется, сверкая.
Свет дневной метет хвостом павлиньим.
Город стал и гуще и плотней.
И у каждого окна стоит хозяйка,
каждая орудует метелкой,
сделанной из перьев мертвых птиц.
Будут целый день сидеть в конторах.
Что-то продиктуют машинисткам.
Кто-то будет думать о свиданье.
Все часы стенные отстают.
«Самый лучший кофе — в Доме кофе».
Как чудесен день, никто не видит.
Вечер подошел — в метро спустились.
Где-то пьют вино. И где-то мажут
губы красным.
Пламя на фасадах.
Ночь. Луна.
Луне не трудно будет
погрузить их всех в глубокий сон.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Полустанок.

Начальник платформы.

Сбежала жена.

Любила она рыбаков

воскресных ... Мы здесь остановимся.

Здесь ликовала и плакала горько любовь,
укрываясь за свежей листвой.

Или Марна. Или Уаза. И небо
ласковое над головой.

Будем пить мы с тобою вино...

Вон в том замке.

Он крыт черепицей.

Зарос он травой.

ПРОДАЕТСЯ ДОМ

Здесь жили. Их столько здесь было. Любили они
пробуждение, любили любовь
и пыль по утрам вытирали.
В глубоком колодце
ни дна, ни луны отраженной.
Все те, кто ушли,
с собой ничего не забрали.
Топорщится плющ,
под солнцем вчерашним,
не тронута сажа,
и пахнет кофейною гущей.
Я молча впрягаюсь
в забытые кем-то мечты,
смотрю на следы,
что оставили души людей незнакомых,
Я запах вдыхаю
былых неудач и невзгод.
Консьерж, покупаю! Я покупаю
эту лачугу ... И если она
отравит меня, я ее и себя подожгу.

Открываются окна...
Меняют дощечку на двери.
Человек входит в дом.
Человек начинает все снова.

КТО ЧЕМ ВЛАДЕЕТ?

Кто и чем за оградой этой владеет? Кому
принадлежат расчлененные склоны горы,
терпеливые стены, желтые знаки, плоды на деревьях?
И разве твое это все: дом и сад,
водоем с драгоценной водою,
ребенок, играющий в мяч на лужайке?
Кто сможет их удержать,
эти стены, которые рушатся,
это наследство, что будет поделено,
эти колодцы, в которых иссякнет вода?
Кто угасшего рода прочтет имена
среди мха позабытых могил?
Ну, а скалы, а ветер, а смерть — чьи опи?

ЖИЗНЬ, ВЕТЕР

Жизнь сочинит мимоходом
ливень весенний — и в путь;
жизнь — это ветер в сто обещаний
невыполнимых и путь
в сто дерзаний и поражений,
и снова движенье, и ветер, и жизнь

такая ласковая, если захочет.

НОЧНЫЕ СВЕТИЛА

Ночные светила —
отверстия в сите,
откуда всех нас,
бунтарей и скитальцев,
сбросили вниз
до конца наших дней.
Огни золотые,
друзья, часовые!
Нет в целом свете
деревьев таких,
чтоб к вам подняться
и, голову свесив,
увидеть, как светел
был луч, зажженный
жизнью моей.

БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ

Жизнь идет, куда я хочу.
Я гулять ее вывожу,
не теряя из виду
ни в шумной толпе,
ни на кладбище,
где я брожу
среди тихих могил
и где каждый мертвец,
кто б он ни был, мне мил,
потому что не сердится,
если мой смех
раздается возле могил.

НЕБЫТИЕ

Когда в один не столь далекий день
представлю я мой счет небытию,
оно меня насмешкой не накажет.
Подделки в числах нет,
в итоге — чистый ноль...
«Приди ко мне, мой сын,—
небытие мне скажет,—
прижмись к моей груди, ее достоин ты».
И с тишиною вечной я сольюсь.

СЛОВА ПОЭЗИИ

Так слаб инструмент, из которого голос исходит,
и так изнурителен труд, и смутно строенье,
и нет утешенья в гармонии,
и от уродства порою невмочь...
А раны жгучи. Дороги длинны.
И неприступна ночь.

Они должны быть верны, многозначны,
не встречены раньше нигде — и опознаны сразу,
из сердца должны изливаться,
должны подчиняться приказу,
который листву заставляет сверкать,
и должно им быть тесно, как зернам,
когда наливаются колос,
и так же, как этот неведомый голос,
которому втайне подвластны зерно и листва,
всесильны должны быть слова,
из которых слагают стихи.

ТОСТ ЗА ДРУЗЕЙ

В память снежных вершин
буду пить я вино из бурлящих истоков
на высотах, окованных льдом.
Надо очень высоко подняться
и ничего не бояться на свете,
чтобы друзьям своим
дать только самое лучшее,
чтобы доставить им радость,
и чтобы себя самого
на пир пригласить
и по милости снежных вершин и бурлящих истоков
обрести в себе друга.

МОЙ ДОМ

Я из сухих камней сложил
 мой дом,
чтоб по душе котяткам был
 мой дом,
чтоб стал мышатам тоже мил
 мой дом,
чтоб голубь зерна находил
 в нем,
и солнце шурилось бы там
 по всем углам,
 когда мой дом
 нем,
чтоб детвора играла в нем.
 С кем?
Ни с кем! С веселым сквозняком!
И чтобы в радость был мой дом
 всем.

Без крыши он и без огня,
 мой дом,
и без тебя, и без меня,
 мой дом,
и нет в нем слуг, и нет господ
 в нем,
и все совсем наоборот
 в нем,
ни статуй нет, ни страха нет, ни стен,
нет ни оружия, ни угроз, ни взятых в плен,
в нем ни реликвий, ни религий днем с огнем
ты не найдешь. Вот почему он так хорош,
 мой дом.

В БУХТЕ

Словно чье-то лицо, корабль этот в бухте.
Он бесстрашно мигает своими огнями.
Вечерний сумрак закрывает дали,
Где грохочут и грозно смеются горы.

За хрупкою обшивкой тепло хранится.
На дрожащий борт бросаются волны.
А внутри корабля — мечты и надежды.
Но они не подточат его древесину.

Неумолимой стеной поднимаются скалы.
Тучами переполнены недра ночи.
Падают лавины камней со склонов,
И плачет ветер.

Природа пьяна. И как мечи из ножен —
Молнии. Ревет великанша-природа.
Я не ошибся. Кораблик запугать невозможно.
И почь не сотрет его улыбки тревожной.

ТРУДНАЯ ЖИЗНЬ

(Монолог женщины)

Не заплатишь — тебе даже зуба не вырвут.
Приглашенья мужчин (в ожидании лифта)
провести с ними вечер: «Вы сегодня свободны?»
Днем им некогда: спешка, дела.
Обещанья — как пена. Отсутствие денег.
До конца моей жизни я дурой останусь.

Если б только жених мой не вздумал уехать
в Венесуэлу! От лихорадки он умер.

Специальность приобретаю и с помощью связей
я смогла бы иметь свой собственный угол.
Хочу сама распорядиться собою
и стать методисткой по лечебной гимнастике.

Одиночество держит под охраною город.
Берите губы, но не трогайте сердца.
Ужасны ночи безрадостных наслаждений.
Время на лице следы оставляет.

Постоянно привыкаешь и к выгодам и к потерям.
Порядочность по наследству — тяжелая ноша.
Ах, если бы мама
меня обучила языкам иностранным
или искусству
извлекать из любви пользу!

А впрочем, я довольна своим положением
за неимением лучшего. А также за неимением
человека, к которому я бы могла привязаться
всей душой. И который меня защитил бы.

КУХНЯ ВИДИТ СНЫ

Жир не лоснится. Стучат часы.
Жар посерел и потух.
И только ворчливо взвешивать мух
могут большие весы.
А в кладовой,
недавно ломившейся
от овощей и плодов,
одинокое и жалко желтеет морковь.
О времена
баранины и ароматных сыров!
«Но для чего же выстукивать время голодной поры?»—
рассуждает маятник старых часов... О времена
бурлящих кастрюль и котлов!
Спит кухарка. Ей хочется место свое потерять.
В ночь под праздник
говяжий язык ухитрился слизать
в холодильнике все, что съедобно,
включая гусиную печень.

В КАРИБСКОМ МОРЕ

*Посвящается памяти Жана Ляженеса,
погибшего в Маутхаузене в 1944 году*

Пароход скитается по Карибскому морю.
Рыбам хорошо в этих ласковых водах.
Пароход качается и плывет все дальше.
Берега виноградные его опьяняют.

Найдут ли где-нибудь в огромном мире
Страну Ханаан его пассажиры?

Где-то на родине спят соседи и Шпрее.
Спят собаки у дверей своих новых хозяев.
Фейерверки и факелы луну освещали.
Луна присутствовала на параде.

*— Послушай, кум, красота мундира
вызывает глубокое чувство волнения
у того, кто думает о славе отечества
и предан одной-единственной власти.
— Кум, справедливость у нас торжествует.
— Выпьем за будущее. Оно прекрасно.*

Ласковы волны в Карибском море.
С летающими рыбами пароход играет.
На палубе стоит иудей-изгнанник.
Он думает о прошлом и невозвратном.

Дочь его сошла с ума в Моабите.
Сын его убит в Малой Стране.
Братья его в пограничных чащах
ищут неохраняемые тайные тропы.

Добрые души изучают свежесть.
Старику повстречались недобрые души.
Вязы в Амстердаме склоняют ветви.
Вязы убаюкивают воду в каналах.

Неужели угля не продадут пароходу?
Крысы давно с парохода сбежали.
Каждый атолл пулеметами опоясан.
Кругосветное плаванье. Болезни. Безумье.

*Вчера это было. Словно в прошлом столетии.
Были ласки и длинные косы Гертруды.
В воскресенье — богемский хрусталь и беседы
и тревожно-прекрасный старинный Франкфурт.*

Плывет пароход по пустынному океану.
Мир скрылся. Ему не до ваших страданий.
Солдаты хорошо берега охраняют.
Только бездна морская для еврея в изгнание.

*

Пароход, на котором находилось около тысячи евреев, изгнанных из Германии, пересек моря и океаны в поисках страны, где согласились бы принять его пассажиров. Всюду терпя неудачу, он вошел в Карибское море и пытался тайно пристать к берегу. (Из газет.)

ВОСТОЧНЫЙ ВОКЗАЛ

Второго сентября
тридцать девятого года
я с Монмартра направился
к Восточному вокзалу,
а Париж, как и прежде,
лежал на своих берегах,
и женщины, как всегда,
наводили порядок в квартирах.

В руках я держал чемодан,
который не запырлся.
Отправление поезда
откладывалось с часу на час.
И поэтому я решил
ключ купить к чемодану,
потому что на войне
терять ничего не надо.

Скобяная лавка
была закрыта:
у хозяина лавки
мобилизовали сына.
Выцвели продавцы
гравюр и картин.
Но Париж сохранял
свою сентябрьскую улыбку.

И вдруг в толпе
я увидел друга с женою.
Это было чудо,
и мы решили выпить

За бутылкою божоле
мы говорили друг другу,
что сегодняшний день —
наш день последний.

Но жажда боя уже мною владела.
Я расцеловался с друзьями
и, схватив чемодан,
распахнул двери.

СЕНТЯБРЬ 1939 ГОДА

Тяжелым плугом станут наши кости,
чтобы вспахать сентябрьский пласт земли.
И землю мы накормим до отвала
конями рыжими: свинец не пощадит их.
И дерево, наполненное ветром,
не даст плодов, и я их не сорву.
Здесь сердце прирастает к португее
и зелень служит только маскировкой,
идти вперед должны мы, звезды меркнут,
и ждет меня здесь мужество мое.

ПОЛЕ ПОРАЖЕНИИ

Лес весенний.
Птенец веселый.
Красная, словно сырое
мясо, земля.

Беличьи искры
в ковре зеленом.

Краска стальная —
гнездо для крота

Почва сыта,
и она отдыхает.

Цветок на холме
в горниста играет:
он ветер в атаку зовет, но ему
не отвечает ветер.

ЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА

Памяти мертвых

Луна шершавая не дышит над равниной,
Луна лукавая безмолвия не слышит.

Внушают солнцу страх потухших глаз озера,
Узоры солнечные стерли сон ушедших.

Был на пиру огонь, и было вдоволь плоти,
Насытился огонь, оставив только пепел.

Все прибрала земля, все привела в порядок,
В веленую траву земля принарядилась.

Вода избавилась от красных теплых пятен,
Незамутненная, вода звенит и блещет.

А ветер чувствует, что тут нечисто было,
Он сеет семена, не помнит он имен.

БРАНДЕНБУРГ

Маркграф бранденбургский заставил меня
среди осен
просеивать груды песка
для бетонного сердца;
и кровь моя
вплоть до ночных сновидений
пропиталась цементом.

Солнце на заре освещает высокие стены.
Вечерами березы начинают походить на фламинго.
С колокольни соседней улетает аист,
пролетит он над моей страной разоренной,
над конями мертвыми, над живыми слезами,
которые еще не созрели
и жемчужинами не стали, чтоб выкупить нас,
пролетит он над прошлою жизнью моей,
чей прах покоится в Бургундии и в Париже.
И Нотр-Дам поглядит в мою сторону
и улыбнется мне, словно невеста.

Не выпуская лопату из рук,
я гляжу на закат, и стекает песок
с моего лица.

СОБЕРЕМ ОПАВШИЕ

Соберем опавшие
листья вдовам,
их любви старой,
их друзьям новым.

Будущее наше
разорвем на части,
чтоб грядущим праздникам
принести счастье.

А нам копать землю,
и мы там не будем,
и уже без нас
жизнь
людям.

ЖЕНЩИНА ПОТЕРЯННЫХ ДОРОГ

Красивая, словно кровь, она заблудилась;
потухли три цвета на ее груди утомленной;
без веры и хлеба
бредет она мимо роскошных домов
за неведомым летом, за весною зеленой.

Ей свобода дана по телам расчлененным идти
со зверями свободными вместе
и вместе с ищейками смерти.
Рыжий след за собою ее не ведет.
Но куда же она, напевая, идет, эта нищенка,
что раздаст свое горе, творя из него подаянье?

Кого она ищет? Детей своих или того, кто был ею
любим?

Она хочет в них бодрость вдохнуть, показав им раны
свои

Она хочет им силы вернуть, напоив их кровью своей.

Она хочет себя излечить, им отдав свою боль.

Она хочет, чтоб излечились они, получив эту боль
и доверясь отваге своей.

И хотелось бы ей их баюкать, как малых детей,
ей любовь их и верность нужны.

Она говорит и не ждет их ответа,

Уходит,

не слыша их радостных криков.

Не узнает она дом свой, колодец,

прозрачную воду, вино —

постоянно она пребывает в стране незнакомой.

Запах мяты ей детство ее возвращает.

Но прошлое с вечнозеленым оружием,
голубоглазое дерево прошлого
вдруг возникает,
оно появляется, чтоб уничтожить его, это детство,
и детство ее становится пустошью мрака.
Грядущее, черным туманом покрытое,
в арках мечты окружает ее
и смеется над ней.
Ничего она больше не знает.
Она потеряла свой якорь.

Лачуги свои и поля потеряла она,
потеряла и башню, и сад,
запах ладана в церкви, веселых котят,
и сожрали облатки в церквях беспризорные свиньи, а
люди
осквернили пороги старинных ее очагов.

Бежавшие в страхе теперь далеко — они слишком
спешили,
и ей, покинутой, трудно догнать их.
Идет она дальше и дальше, в селениях праздник,
под прежними вязами новые, ей не знакомые лица
на нее без страха взирают. И лают собаки,
как в створе с думами их и гербами,
покрытыми вновь штукатуркой.

В пути безумная странница ночи и дни.

ДОРОГА

Не знаю я, куда ведет дорога.
Когда бы мог, я сам ее повел.
А лес поет.

Быть может, поведет
она меня к родной моей стране
и бороздой тяжелою пройдет
там, где мое сверкает поражение?
Увижу ль я в конце пути Париж
и тех, кто ждет меня
на набережных Сены?
Из вагонетки высыпав песок,
к действительности возвращаюсь я и вижу,
что обо мне не думает дорога.

Все время этот лес, лишенный птиц.
Здесь увядают снежные бутоны.
Под маскою песочной скрыто сердце.
Я все песчинки должен перебрать.
Тяжка моя работа, я поденщик
дороги, что меня копает тоже,
я лесоруб, и должен мой костер
гореть во тьме, пока я не погбну.
Но вспомнит ли любимая моя
того, кого война в тридцать девятом
вдаль унесла с Восточного вокзала?

Я шел в дни мира, голос мой мужал,
он был услышан, он будил тревогу.
Но пробил час — и вот в пустыне я.

И словно на галере короля,
прикован к месту я. С утра до темноты
песком я наполняю вагонетки.
И жизнь моя, единственная жизнь
в песок уходит,
дни летят как птицы,
и не вернуться снова, и за мной
следят проклятые могильщики поэта.

Подруга странника, Европа!
Подсолнух и дворец из меди,
на улице — круги от фонарей,
обетованную искал я землю здесь,
и башни, примиряющие нас,
и берег Средиземноморский.
А в Мо большой каштан
был светом Иль-де-Франса озарен —
мое владенье, залитое кровью.
И тщетно я плыву среди песков,
и тщетно я лопатою гребу,
таща дорогу за собой. О открыватель
земель неведомых, я жалок и смешон.

Не хочет наполняться вагонетка.
Глаза мне заливают едкий пот.
И ненавижу я свои мозоли,
и не пою, работая...

Медлителен ты,
о край мой родной!
Но звон колокольный
я слышу, как Фауст.
Друзья наши старые,

новые лица,
и всех нас собравший
голос любви.

Пляшите, крестьяне!
Все птицы, пойте
в честь возвращения,
за радость людей.
Так выпьем в харчевне
с прохожим, с проезжим,
и братья здесь все,
хоть и разны наречья,
и воды Луары
приветствуют нас.

Сердца наши стали
другими. Наш голос
у стойки сливается
с гулом харчевни;
луной озаряясь,
грядущее видит
в мечтах своих нас.
Так поможем ему.

Но трудно дороге
добиться до цели:
пророку ее —
и возникнут в ущельях
другие пути,
и однажды в пустыне
послышится гул
и послышится пенье.

Терпенье! Терпенье!
Ведь стать человеком —
великое чудо,
мучительный труд.

В сердцах наших новых
поющие птицы.
Грядущее — зеркало,
чтобы в нем видеть
себя до конца,
до последнего утра,
которое звон
колокольный наполнит,
все выдержать надо...
Ты дышишь? Борись!

Куда идет дорога, я не знаю.
Не останавливайся. Я всегда с лопатой.
Не умирает разум...
И когда
с товарищами тощими своими
я выйду из могилы, то увижу,
как песнь моя навстречу новой жизни
по скалам катится
и разрушает их.

Март — апрель 1961

ПАРИЖ

О Париж! Мой уснувший корабль!
Ты вдали ожидаешь меня,
моя гордость,
мой праздник,
чудесная тайна моя,
что под взглядом твоим
согревалась.

О весенние воды!
Ручьи, устремленные к Сене!
И память
становится бойней бескровной,
где жизнь моя вновь расцветает
и ярче сверкают
минувшие годы и дни.

О снег! Ты в душе у меня
превратился в цветы,
чтоб украсить луга
моей зимней поры,
и такого же цвета,
как небо твое, о Париж,
мои раны и боль.

На аренах твоих
гибнут звери мои по ночам,
и глаза у быков
наливаются кровью моей,
наливаются смертью,
презреньем
и смехом.

О Париж! Через пропасть мою
ты мосты перекинул свои;
острова твои
стали глазами моими,
вечерние окна — мое ожиданье,
открытые двери —
начало пути моего
к неразгаданным тайнам твоим.

Твой Монмартр — как нос корабля,
твои башни —
чтоб гнев мой, как флаги,
на них развевался,
оконные стекла —
чтоб в них отражалась твоя красота,
а на рынках — шум утра,
и детские крики в садах,
и улыбка ясного дня.

О Париж! Горько-синий миндаль мой,
опора моя
и мечта, что к твоим прикоснулась камням,
поле знаков моих,
и твои продавцы на ветру,
и мой голос живой,
и твое потускневшее небо,
о мой заколдованный город.

14 ИЮЛЯ

Голубое вино в вышине.
Белизна в моем сердце.
В этот вечер июльский
я песню пою
об урожае Республики.

Улицы, опьяненные братством людей.
На перекрестках — юность мечтает.
Вздыхает усталая старость,
приди на свидание с памятью
в час, когда пляшут вокруг
и когда расцветает надежда.

Это — радости пышный триумф
и бенгальский огонь, загоревшийся вдруг
среди серых медлительных дней.
О, приди же скорей,
ты, которую так я люблю
и которую я создавал
из муара и гнева,
пока ты не стала такою:
способной мне сердце разбить.

О молчанье мое, грозное молчанье!
Сегодня ты — радостный крик,
прозвучавший на встрече с неожиданным.
Сегодня — праздник Свободы.

Забыли мы старую мать,
в честь которой когда-то сажали деревья.
Мертвецы побежденные нас окружают —

их надо сбрасывать с каменных башен.
Остались сраженья — их надо вести постоянно.
Есть песни, которые петь надо хором,
и надо знамена и ветви поднять
и размахивать ими,
чтобы не было поправлено право знамен и ветвей
украшать наши празднества
и трепетать на ветру.

Мы идем — словно свадебный льется кортеж,
Мы несем фонари, чей огонь, словно честь наша
скромен,

покорен словесным движеньям.
Врываются танцы в наши ряды.
Льются звуки
аккордеонов.

Это гений Бастилии с нами идет.
И в толпе он поет,
наполняя мужеством наши сердца.
Это дрожжи Парижа
начинают в предместьях бродить,
и, когда из печей будет хлеб справедливости вынут,
его мы поделим между собой на пиру
за столами высокими с добрым вином.

Я пью за радость народа, за право людей
верить в радость, хотя бы один раз в году.
Я пью за трехцветную радугу,
вспыхнувшую над облаками тревоги, я пью
за хрупкое счастье и за иллюзию нашей любви.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЖОЗЕФЕ, РЫБАКЕ ИЗ КОЛЛИУРА

Возвращение из Коллиура после самого долгого дня
в году такого короткого, чтобы излить свою душу
новому другу.

Как мы пеловки, как не умеем добраться до сердца
людского,

хотя в глубине человеческих глаз обещанье таится,
и глубина эта рядом, но всегда так ничтожен улов,
и богатство от нас ускользает, уходит оно от обмена,
и в трудном плаванье души тускнеют,
недостижимые, словно глубинные рыбы.

Напрасно застывшие всплески воды удержать
стараятся поезд,

который медлительным утром растянулся на рельсах,—
мы уже далеко от тепла и лучей нашей встречи,
и повседневность уносит нас прочь, не суля

возвращенья.

Но до конца моих дней воспоминание о рыбаке
коллиурском,

словно упрямая сталь в уголке неведомом сердца,
будет ранить меня, потому что крепка эта сталь
достоинства и прямоты.

ОБРЕТЕННАЯ СТРАНА

Я почти не в разладе с тем, что любил:
я впустил в мое сердце родную страну
и постиг ее прошлое... Гнев мой утих.
Я сегодня хочу, я сегодня дерзаю.

Доверяясь дороге, учусь я читать
повороты, подъемы. Здесь явью становятся сны.
Вновь себя я обрел в тихом шелесте листьев.
Меня только ветер ведет за собою.

И неведомой речи понятен мне смысл,
и деревья глядят на меня дружелюбно,
и, себя познавая, я чувствую связь
и с моею страной и с этой округой,
где навстречу выходят ко мне деревушки,
кричат петухи, опереньем пылая,
и стены надежны, и пахнет вербеной,
по склонам ползут виноградные лозы,
и падают тени от облаков
на долины, где злаки желтеют.

Как мне дорого все, что я вижу сегодня,
по дороге шагая! Здесь истинный хлеб для людей.
И хочу я почувствовать вкус винограда,
что сушится возле крыльца.

ИСПАНИЯ

Синева и лохмотья. И кроны
чахлых дубов, и незримая кровь
под пластинами белого мела,
что молит о чем-то недужно, словно кобыла,
полная силы ненужной,
кобыла с окаменевшим скелетом... И ничего,
о Испании, и ничего,
кроме тысяч бездомных собак,
кроме осликов, этих печальных и храбрых друзей.
Буду я из души беспокойной своей
изгонять все невзгоды и грусть,
потому что ничтожен их груз
рядом с этой геральдикой, что перегружена славой
на башнях старинных.

Задумался ослик, мечтая о лучшей судьбе,
и сидит на спине у него
полуголый ребенок и смотрит из-под ладони
на зелено-нейстовый край... Ничего!
Спишь ты, словно застыв среди гербов,
испещренных рубцами древних путей,
и на почве твоей,
как морщины, борозды тяжких плугов.
Поднимаются замки — скелеты орлов —
среди камня и пятен зеленых. Гумно,
где из тощих колосьев зерно выбивают.
Воз с сеном скрипит на дороге.
Вол серый с трудом его тащит. Стада
на закате выходят на берег реки,
входят в воду и в город бредут.
И опять ничего... Испания! Гордость и смерть.

БЕСПОЛЕЗНАЯ МАШИНА

Машина, производящая шум
и которая требует и умоляет
не для того, чтобы вы замолчали,
не для того, чтоб меня позабавить,
а для того, чтобы вырвать слова
из привычной для них обстановки,
лишить их прежней окраски,
заставить войти их в песок,
просверлить все песчинки
и высосать непостижимую влагу,
потоки которой грохочут бесшумно.
И хочет машина молчание это схватить
и вогнать его в ваше сознание
взмахами крыльев своих бесполезных

ГОВОРIT ЖЕНЩИНА

Когда луна изменчива, прими
Меня такой, какая есть... Не надо
Идти туда, куда любви моей
Проникнуть не дано: там без нее темно.

Не властен ты над сменою времен.
Тебе нужна над чьим-то сердцем власть.
Я возвращу тебе все краски мира,
Останься только: без тебя мне страшно.

В ЧЕСТЬ ПРИБЫТИЯ НА КОРОЛЕВСКИЙ ПРАЗДНИК

На привале волхва,
на пути его долгом
вдруг дом, прислоненный к скале,
дом, хранящий тепло
и открывший нам двери свои.
По уступам спускается он,
у него есть чердак
и подвал, чтобы ногу сложить,
парашюты из камня — для наших встревоженных рук,
дом, в котором не страшно стареть,
дом, где можно счастливыми стать, в ожидании лучшего.
Рядом — воды просветленное око, чтобы луну отражать,
чуть подальше — жилище алхимика, где занавешены
окна,
напротив — пекарня и лавка, в которой торгует мясник,
люди хворост таскают,
другие на мельнице день свой проводят,
в хлеву — серый ослик и куры,
прямоугольники грядок на склонах,
а выше — снег Альп.
Перед окнами — апельсиновые деревья,
галерея — как строили деды,
и запах солнца на позолоченных камнях
такой же древний, как стрелы,
прилетевшие издали на закате
и подобные той, что пронзила
и унесла нас обоих;
захвачены в плен мы: я — пленник, и пленница ты,
и стрела пригвоздила нас ласково к этому дому,
в котором могли бы мы стать
твердыми, как сердцевина оливы,

неразлучными, словно два рога быка,
словно встреча двух гор,
что всегда будут рядом
между морем и снегом.
Здесь легко открываются двери тяжелые,
в комнатах — светлое пламя огня,
где-то лают собаки,
привычные запахи дыма,
растрепаны волосы,
и над деревней разлито
молоко светло-серых оливок.
Опускается вечер, два наших лица воедино сливая,
и ночь, и рассвет,
и все это в движении,
здесь, на привале волхва,
чтобы мы, перед тем как отправиться в путь,
насладились друг другом;
чтобы, груз справедливый неся,
мы, искатели зерен,
от смерти отторгли себя,
чтобы, тысячу раз воплощаясь друг в друге,
мы ковали единственный в мире металл,
драгоценный металл пониманья.

На незримой вершине жизни и счастья,
в этом доме нашли мы тепло,
и неважно, что звезд в вышине нам не видно,
неважно, что путь нас своими лучами пугает,—
любимая, вижу я завтрашний день
в твоих безрассудных глазах
цвета черной оливы.

ПОТЕРЯННОЕ ДЕТСТВО

Я детство мое оставлял на тропинках,
я прятал его в траве и кустах,
мечтатель в коротких штанишках, который, должно быть,
хотел потеряться, чтобы однажды,
всегда оставаясь ребенком,
найти, играя с камнями,
свежесть укрывшихся чувств.

Но возвратился взрослый мужчина. И тщетно здесь
все: и тот же гравий в аллеях, и бабочки дрожь на
капустном листе, и маленький лес, и дороги в полях.
Это только следы мертвеца, слишком полного яростной
жизни, чтобы теперь себя вновь обрести.

Помню холод и помню козленка, которого мы при-
несли во время обильной родительской трапезы, когда
из кастрюли доносились обрывки заколдованной песни.
Вечером, страх мне внушавшим, и радостным утром,
пугая котов одичавших, весь день, склонившись к зем-
ле, я искал пустые ракушки жизни моей и скрытые
реки, которые даже слезами польза разбудить.

Я детство мое потерял на тропинках этого старого
края.

И может быть, только тогда, когда под землю я
веки сомкну, меня снова наполнят любимой музыки
звуки.

РАЗ НЕТ В НЕМ ЛЮБВИ

Раз нет в нем любви,
храни чистоту.
Ни ветра, ни птиц
нет в этом краю.

Испуганный конь.
Могилы. Холмы.
Так где же любовь?
Неужто в раю?

ПОСЛЕДНИЙ ЭСКОРТ

Последний эскорт
бежал... Все скрылось.
И только ты
и бескрылость моя.
Исчезли кони,
мечи и мечты,
глаза друзей
исчезли... Гроза.
Гроза мне цепями,
грудь твоя, губы..
Прощайте, труды мои.
Здравствуй, любовь.

ПРОСТО ЛЮБОВЬ

Навсегда...

Я о счастье на этот раз говорю.

Навсегда...

Два порыва сплелись,
чтобы выразить благость мира.

Навсегда...

Колесо в постоянном движении

Навсегда...

Непокорная кровь обрела наконец-то звезду.

БУДУЩЕЕ.

Будущее нам перестало казаться пустым:
настоящее нравится нам
невыразимо, и мы друг из друга,
словно из гор, добываем слова,
рожденные в одиночестве.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Мы от сильной любви перестали себя узнавать,
потому что теперь уже нет ни тебя, ни меня:
только птица слепая, неподвижно висящая
над пустотою, и песни она не поет, эта птица,
и взрывы молчанья ее заставляют цветы расцветать,
а тебя и меня превращают в невинных детей.

БЕЗ ЛЮБВИ

Любовь не боится меня.
Приготовил я ей угощенье
из жизни моей — пусть пирует!
Я только прошу у нее:
пожалей меня, не покидай мое сердце.

ЖИВОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Кроме взгляда, в котором боюсь я увидеть себя,
кроме рук твоих, ныне пустых, где оставил я душу,
кроме тщетных своих ожиданий, терзающих пустошь
мою,

кроме наших ночей,
кроме наших светил затуманенных скукой,
кроме губ твоих, кроме улыбки твоей,
кроме всей тебя, кроме меня самого,—
я нашел тебя, я тебе верю и принимаю тебя.

ПОСЛАНИЕ

Это облако —
словно посланье,
которое ты
мне отправила с ветром,
и выполнил ветер
твое приказанье:
я знаю теперь,
что все потерял.

ЕСЛИ ОН

Если он
растерял желанья свои
оттого, что слишком желал;

Если он
любить перестал
оттого, что слишком любил;

Если он
сирену хотел приручить
и не смог;

Если он
даже чьей-то обиды не стоит;
и если он был

и безумен и слаб,— все равно

пожалейте его.

ПОГАСШИЙ ДОМ

Фасад был белым в лунную ночь.
Был голубым в безоблачный день.
Серым и нежным был дом все дни остальные.

Он скромным был и пылающим был.
Коварные улицы дом окружали.
Был грохотом город задушен. Потом затихал он.
И люди входили. Шаги раздавались —
твой... и мои... Сновиденья. Кровать.
Закрытые двери. И прятали окна
страх — от порога до темных углов.

Дом прояснял потемневшие взоры,
он врачевал наболевшее сердце,
он заслонял от крадущейся бездны,
он опирался на землю и солнце,
был так приветлив шепот его.

Блестит по-прежнему мебель. Шуршит занавеска.
Любовь, что отсюда ушла, не оставила тени своей.
Ничего не взяла она. Только лишила всего
дом, который двое когда-то любили.
Одинокому сердцу не говорит он теперь ничего.

ЧТОБЫ НАПОЛНИТЬ МОЙ СМЕХ

Чтобы наполнить мой смех
запахом трав весенних,
чтобы вспугнуть своим взглядом
крики зверей недобрых,
чтобы сразить непогоду
и приручить дорогу,—
отдал я имя свое
жизни и был ею признан:
потому что искал я любви,
что смогла бы меня погубить.

БЫЛА ЛИ ЛЮБОВЬ

Ты ли была любовью моей,
или это был только порыв мой,
название, которое дал я желаньям своим?
Не в мечтах ли жила ты?
И вправду ли были минувшие годы, и яблони,
и распростертое тело в тепл этих яблонь?

Небо синее... Было оно или нет?
Не придумал ли сам я просвет в темноте?
И ко мне приходила ли та, что ушла,
и меня ли к жизни она воскрешала когда-то?

Все теперь так далеко!
Отсутствие жжет, словно лед.
И, как ветви, обуглилась память.
Но здесь до конца я останусь
с воспоминаньями, что не имеют лица.

Если нет ее, вечной любви,
все равно утверждаю ее,
все равно я по-прежнему там, где покинут,
где только пустыня меня окружает;
и, если бы в образе новом
вернулась ты снова ко мне,
я тебя не узнал бы,
потому что смотреть разучился.

Было прошлое! Переплеталось оно с синевой,
трепетало под взглядом изменчивым,
волосы шутало и заставляло сверкать их,
и время бежало,

скрываясь в траве, что растёт под землей.
Озаренные гневом и смехом,
бросались в сражение дни.
Было прошлое!
Прежде чем все не обрушилось,
существовала любовь, это слово когда-то живое,
любовь, человеческое смертное чувство.

В ночи смутные ты трепетала, любовь моя,
ты озарялась глазами грозы
и, сраженная, рухнула наземь.

НА РУКАХ У ВЕТРА

На руках у ветра
умереть он хочет
за тебя... И чтобы
рядом никого.

Навсегда прощайте,
и друзья, и песни,
сладкий хлеб из плевел,
и листва, и мед.

Вдалеке от горных
пастбищ... Там ли, здесь ли...
О любовь к далеким
вольным облакам!

ПЕСНЯ РАЗНОСЧИКА

Ни шнурков, ни тесемок,
ни воды для святых, ни пакетов
для женщин, ни старых журналов,
ви красной капусты, ни компасов гладких,
ни яда, ни шпилек, ни звезд,
никаких новостей, ни измен, ни обманов,
ни ветра морского, ни вздохов любовных,
ни детских игрушек:
мир пуст,
ничего для продажи в нем нет.

К ДАЛЕКИМ ПРЕДЕЛАМ

К далеким пределам,
к которым стремился,
иду наугад,
оставаясь при этом
в другой стороне,
где не связан ни с чем.

Все выше и выше.
Неясность, бескрайность,
немного притворства,
какие-то вспышки,
чтоб нравиться мне
и не дать мне упасть.

Из сил выбиваясь,
теряя дыхание,
ступень за ступенью,
как зверь в темноте.

В лучах фонарей
исчезают фигуры,
сверкают приманки
неведомых празднеств,
и власть постоянна
самообмана,
и холод все злее,
и путь все трудней.

В блестящей толпе
улыбок пустыня,
песок в моем горле,

и падают птицы,
и время раскрыло
ловушки свои.

С дороги сбиваясь,
иду, возвращаюсь
к далеким пределам,
которых достигну,
когда все вокруг
погрузится во тьму.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПУСТЫНИ

Придя из пустыни,
вцелился я в борт
обновленья, и вот
утешенье покоя,
бурлящая радость
сверкает,
о утро, о мир доброты,
кружева и цветы,
рождество, и боярышник, и белизна,
и моя дорогая.

Улыбка полного счастья
прячется, словно голубка,
и только тайные ласки
мягких ладоней снега.
Придите, мы справим свадьбу
в более светлом краю.

Но я, как и прежде,
во власти желанья,
которое гонит меня
постоянно
искать пустоту
под засохшей корою,
чтоб той пустотою
кормить тревогу.
И снова в дорогу,
и снова в пустыню
иду, унося
почерневшую соль твоих слез,
нераскрытую печаль твою,
рождество, и боярышник, и белизну.

КАНУН

*Я под руку пойду гулять с рекою Соной.
Сверкающее божоле я буду пить.
И если не смогу ее лица увидеть, —
неважно. Потому что завтра праздник.*

И завтра будет день.
Тебя утешит он.

Я радоваться не спешил: я верил в радость.
И время смаковал: оно уже кончалось
то время, из которого я выпал.
Я чувствовал, что к радости приду.
Я разбазаривал накопленное время.
А улицы пылали, если я
смотрел на них, идя среди людей,
заботой ежедневной поглощенных.

И во Дворце Искусств оставил я ключи,
чтобы с самим собою повстречаться
на берегу реки, на тихих переходах
отчаянья, теряющего власть.
И молча я смотрел себе в лицо,
и мне оно казалось много старше
лица, что завтра будет у меня.
И предо мной пустыня расстилалась,
разбуженная криком равнодушным.
Мне повезло: я там увидел только
движенье красного вина вокруг столов.
И поражение теряло привкус яда.
И змеи не гнездились больше в сердце.

Сомненье я убил: пусть не скрипит зубами.
Уже давным-давно я всей душой хочу
с людьми сесть рядом. Человек толпы,
но только обреченный на скитанья,
стать здешним гражданином я стремился
и этой ночью, кажется, им стал.

Мне надоело чувство отвращения,
которое питал я сам к себе.
Я не хочу выдавливать глаза
своим святыням, чтоб их лучше видеть
и заставлять их каждый день гореть,
чтобы из пещла приготовить краски.

Немыслимое завтра в этот город
меня зовет. Я замедляю шаг,
чтоб за рекой идти и быть к ней ближе,
и все ее движенья перенять,
и видеть остров, ею орошенный.
Я возрожден струящейся надеждой,
которая в тумане возникает.
Увидеть я хочу ее лицо,
хочу, чтоб стали лучше и красивей
его черты. Они принадлежат мне,
они меня позвали, я прочел
в их крике раздирающе безмолвном
желанье света нового, чей блеск
незримое заставит зримым стать.

Я счастья не боюсь. И я пришел за ним.
Соблазн пустыни слишком долго длился.
Я орошу ее пьянящим божолэ,

воздав ей должное: мне хорошо известно
ее могущество, она стубила многих
моих друзей. Теперь ее богатства,
когда-то отравлявшие меня,
мне не нужны, я всё ей возвращаю.
Я твердо на своей земле стою.
От острова — дорога к континентам.
И завтра будет день.
И будет остров.

НЕСЧАСТНЫЕ ДЕТИ

Несчастный ребенок, собака с подбитою лапой. Кто обидел ее, почему так дрожит она, в землю сырую уткнувшись? Жесткие дети избили ее, собаку-ребенка, прижалась она к оскорбленной земле и глаза свои спрятала в грязь. И нет у нее ничего, кроме страха и дрожи; собака-ребенок не смеет взглянуть на меня и ответить на нежность мою, которой так нужен доверчивый дружеский взгляд. Неужели теперь никогда, за порогом страданий, нельзя ни любить, ни играть? О жестокое горе ребенка, который дрожит и не может кричать, протестуя, и жить, улыбаясь, не может... которому страшно, и взор его ранен, и дальше бредет он, ребенок, или собака, или старик... о горе, великое горе и бесконечные слезы страданья — огромного и без вины.

НЕ ЛЮБЯ НИКОГО

Не любя никого,
он идет среди зарослей яркого света,
и мир для него
ненадежен и зыбок, как море.
Сверкая улыбкой отчаянья,
сможет ли он донести этот блеск
до своей недалекой могилы?

ГОД НА ГОД НЕ ПРИХОДИТСЯ

Удачный год,
несчастный год,
назад, вперед,
вперед, назад
хороший вид,
хороший взгляд,
как было встарь,
и все как вновь,
то прямо в цель,
то вкривь и вкось,
упорно ввысь,
покорно вниз,
в свой день и час,
совсем не в срок,
сверкая так,
что не стереть,
не описать,
не передать,
и вдруг, как нет,
простыл и след,
затменье, свет,
веселье, боль,
и снова да,
и снова нет,
конец, начало,
ясность, бред,
изменчив контур,
жгут шиши,
мигает смерть,
почуяв жизнь,
скорбит любовь,

крадется мрак,
все ниже солнце,
спущен флаг,
и вновь отвага,
сломлен страх,
растаял снег,
звенит вода,
живые ветви,
дальний гром,
зажженный факел,
ночь кругом,
и это все
придет, уйдет,
в свой день и час
опять придет,
придет назад,
пойдет вперед,
удачный год,
несчастный год.

ЗАДАТОК

Это — хорошая основа,
Это — очень хороший фундамент,
Это — задаток счастья,
Это — первые взносы любви.

Это взносы, всегда только взносы,
Чтобы потом — было много,
Чтобы за столом — изобилье,
Чтобы застраховать нашу добрую волю
Или хотя бы ее позабавить.

Потому что бедны мы очень,
Потому что завтра будет иначе,
Я в этом уверен, это почти появилось,
Почти заблестело, чтобы хорошо нам стало,
Чтобы не было больше «плохо» и «мало»,
Чтобы дать нам на высоту подняться
И, возможно, принести нам удачу.

Потому что тела наши жалки,
Потому что сердца наши жадны,
Потому что в жбаны с вином
Беззастенчиво жабы лезут.
Потому что добродетели щебет
В конце концов лишается смысла,
Потому что все это вызывает желание смеяться.
Потому что на все мы смотрим трагично.

Так всегда. Этот путь несхожен.
Это все могло бы быть хуже.
Это так, если лучшего нету.

Это быть не могло бы иначе.
Нет, могло бы. И будет, возможно.
Но скажите: кто это знает?
И что это значит?
Кто знает,
Что значит: ЭТО?

КРЕСТЬЯНЕ

(фрагмент)

За холмами, где мирное солнце, достигнув зенита,
отменяет на время тени зеленых знамен;
среди тяжких трудов, где нужна неизменно отвага;
сквозь туманы, холод, листву,
засучив рукава, в одеянии черном,
простирается, за горизонтом теряясь,
страданье незримое. Жизнь обручается с ним,
чтоб его победить, чтобы боль побороть,
превратить ее в мирную быль,
чтобы дал утешенье исполненный долг;
и, пока не наступит кладбищенский мрак,
чтобы жить было можно в деревне.

ВОЕННАЯ ЗООЛОГИЯ

(для взрослых)

*Страх погасил этот ласковый свет,
что мерцает в душе светляка*

Умирать антилопа не хочет. И слезы ее,
как жемчужины, я сосчитал на шерстинках.

Пожалейте животных, о черные боги войны!

Стаду мирных коров неприятно смотреть,
как по рельсам ползет бронепоезд.
Оскорбленье для зебры нарядной
какое-то смутное сходство с пятнистой расцветкою
танков.

И к чему конкуренция эта несчастная
с норами кроликов, с трудной работой кротов?

Голубей не губите, вы, черные боги,
питающие неразделенную страсть к голубям.
Не унижайте быка, гордость нашего стада:
не по душе ему видеть свой завтрашний день
заключенным в консервные банки.
Успувших зверей не будите
воинственным ревом своим.

Что еще? Пожалейте и нас,
людей пожалейте,
и у жены моей
мужа не отнимайте,
у детей моих
не отнимайте отца.

ПОРТРЕТ ЖАКА ПРЕВЕРА

Испытал он в жизни не меньше,
Чем каждый из нас, но при этом
Верил упорно в счастье
И никогда не сдавался.

Внушая страх негодяю,
Он помогал влюбленным
Смотреть с восхищеньем на розу
И вырывал шипы
У старого, страшного неба,
Чтобы разбитому сердцу
Преподнести на ладони
Самую чистую радость,
Усыпанную цветами.

А чтобы детей позабавить,
Он играет словами,
Он с птицами говорит и зверями
И утверждает власть
Реального мира, который
Так ласков и так прекрасен,
И такие глаза у него голубые,
И такой красивый наряд,
Особенно в ту минуту,
Когда мой друг Жак Превер
На него устремляет взгляд.

РОЖДЕСТВО НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Святой Иосиф никогда не видал паровоза
и очень боялся потерять в суматохе билеты.
Был вечер Великого Бегства. Вокзал лихорадило
светом, свистками, людской толчеею и спешкой.
Пришли слишком рано. Потом задержались в буфете.
Остались без места в переполненном душном вагоне,
и кто-то сказал им, что сели не в тот они поезд.
Никто не пришел проводить их:

друзья об отъезде не знали.

Дым желтый и синий,

подобно дракону, выплевывал мчавшийся поезд,
который менял направление на стрелках,
и дальше он мчится, быстрее и быстрее,
и вот уже стали вдали исчезать и огни, и предместья.

Стояла в проходе вагона... Кто сжалится
над молодой беременной женщиной?
Кто ее стоны услышит? Заметит ее красоту?

В купе, что напротив, зелоты,
усевшись за трапезу, ссорились между собою.
Солдаты хвастались друг перед другом.

Откупщик-лихоимец
со своей любовницей, негрityнкой красивой,
напротив сидел.

И какой-то священник притворялся читающим книгу...

Мчится с грохотом поезд, и вот уж ребенок
в ночи материнской начинает испытывать страх.
Погрузимся в пространство... Пусть дождь или
снег — безразлично.

Здесь жарко даже на шумных мостах,
когда снизу прохлада идет от реки.
Время в сон погружается. И города друг от друга
все дальше.

Проносится поезд мимо селений и мимо лесов,
мимо станций неведомых, где опускаются
и поднимаются снова шлагбаумы,
над которыми звездные своды повисли.
Пение ангелов, приглушенное тучами,
не проникает сквозь грохот вагонов,
и, стоя возле окна, закрывает Дева глаза.

«Выходите! Приехали!» Раннее утро.
Святой Иосиф собирает пожитки.
Кондуктор открывает двери вагона.
На станции ослик и бык ожидают.
«Ах,— произносит робко Мария,—
значит, здесь предначертано Слову свершиться».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ, ПРОИЗНЕСЕННЫХ КОТОМ

У меня своя личная жизнь, и поверьте коту,
что ему нелегко, и поэтому как я могу
с удовольствием и беззаботно лакать молоко?
Нет мышей — распугал их мой запах,
нет кошки, которую я полюбил бы: меня запирают,
и, чтобы утешить, ласкают меня фамильярно,
а в зеркале
мерзко мяукает кот незнакомый, и вот
остается мне или залезть под кровать,
или прыгнуть на скользкий комод, сбросить что-нибудь
вниз
и с осколками вяло играть... «Что опять натворил
этот кот!» —
раздается вокруг. Люди так неразумны! Как будто и нет
у кота своих собственных дел и забот. Но ведь это
не так!
Неужели вам это не ясно?

КОНЕЦ ГОДА

В конце года девушки красивы.
В конце года яблоки спелы.
В конце года дым из труб черный,
а старая кожа становится новой.
В конце года снег белый улыбчив.
В конце года грех со счета списан.
В конце года задумчивы руки,
огонь неспокоен, пироги пекутся.
В конце года звенят стаканы.
В конце года забыты невзгоды,
забыт иней, за столом праздник,
звенят стаканы в честь Нового года.

СКРОМНОЕ РОЖДЕСТВО

Маленький ослик, чтобы сбылось обещанье.
Куры, чтобы кудахтаньем встретить его появленье.
Теленок, чтобы склонить свою морду над ним.
Слова наши, чтобы согреть его. Наше молчанье
Открытое, чтобы хранить его первые крики,
Над яслями — ангела голос, шуршанье соломы,
Крест темный на серой спине, чуть дрожащие ноздри:
Родился осленок в хлеву, чтобы всех нас спасти.

ЧАС РЕБЕНКА

Огромная курица на колокольне высокой
Снесла яйцо, по которому можно время узнать.
В полдень солнце своими лучами заводит его,
Поочередно утро и вечер его согревают.
Луна по ночам его охраняет, чтобы оно отдыхало.
Но и во сне оно продолжает работать.
А на заре петушок из него вылетает
И песню поет, усевшись на громоотводе.
Колокола звонят иногда, чтобы развлечь его или
утешить.
Вот каков он, мой край, где время делает то, что
должно оно делать.
И вот почему я хочу, чтобы ты здесь родился и научился
мечтать.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

В небе голубом
Плавали две птицы,
Плавали две птицы
В коротеньких штанишках.

Они подстерегали
Приход весны и лета,
И клювики их стали
Похожи на цветы.

А может быть, они
Раскрыть секрет хотели,
Чтоб не грозила нам
Большая неприятность?

А может быть, они
Чего-то испугались
И улететь хотели
Подальше от земли?

Увидел их ребенок,
Ему смешно и страшно.
Куда они летят?
О чем они поют?

Мои стихи об этом
Не знают, не расскажут.
Но, может быть, ребенок
Сумеет рассказать.

ЭПИТАФИЯ

Когда я умру и развеется пыль,
дети будут, как прежде, возиться с собаками,
солнце в пруду отразится,
— никто не виновен в случившемся,—
утром на грядках сверкает роса,
и с растеньями слитый, я к свету стану тянуться,
и ветер меня по земле раскидает
вместе с зернами и семенами.

Все будет в порядке — ни больше, ни меньше. Природа
стирает следы, ведет свои игры, смеется,
она, надо думать, к живым благосклонна,
пока не покинет их... по своему усмотренью.
Но скажите: в словах ваших долго ли будет дрожать
голос мой, что когда-то для вас говорил?

ВТОРЖЕНИЕ СЛОВ

Я словам улыбаюсь. Я очень люблю,
когда начинается это,
когда, собираясь, они окружают меня,
словно крики лягушек во время метанья икры.
Они прыгают, перекликаются,
и разбегаются, и окликают меня,
и сбегаются снова, и сам я не знаю,
кто им отвечает: я или эхо,
порожденное гулом, который возник у меня в глубине,
где сливаются реки реального мира.
Осустошен я, когда слова очищают меня.
Мне легко, и я чувствую, как начинаю расти
благодаря этим звукам, что вышли на свет
почти завершенными.
И на прогулку тогда я иду,
и мне трудно узнать себя, глядя на образ,
который был создан словами;
меня он путает порою,
потому что не только один я
воспламеняюсь от слов.

ГИЛЬВИК

ПЕРЕВОДЫ МОРИСА ВАКСМАХЕРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

САМАРИЯ ВЕЛИКОВСКОГО

ПРИРУЧЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Когда писателю за шестьдесят и позади у него тридцать с лишним лет работы, когда он к тому же живет в катастрофически переменчивом XX веке и не чурается ни его жгучих страстей, ни его насущных забот, знакомство с тем, что им сделано, даже очень беглое,— это почти всегда мысленное путешествие по извилистой дороге, изобилующей и крутыми поворотами, и мучительными распутиями, и нелегкими восхождениями.

Дорога Эжена Гильвика во французской лирике шла через нехоженный край, и первые шаги по ней он сделал давно, в 1938 году. С тех пор он отнюдь не топтался у отправных рубежей. В ходе исканий ему случалось и плутать, и попадать в заманчивые поначалу ловушки; знал он и возвраты назад, оказавшиеся на поверку продвижением вперед. И все же сумел обойтись без слишком резкой ломки. Атмосфера его стихов менялась, но исподволь и без спешки, самый же их облик, почерк Гильвика оставались на редкость устойчивыми. Нагая, угловатая, приглушенная речь, избегающая и

метафорических одежд и музыкальной распевности; первороденная свежесть и чуть странноватое мерцание слов самых обиходных, заурядных; до предела краткая, обрывистая строка, тяготеющая к простому обозначению того, что выхвачено из житейского потока мгновенной вопышкой мысли и вдруг застыло, застигнутое врасплох; нарочитые повторы, подхваты, лобовые сшибки однородных и однорядных конструкций. Слово ложится в строку после долгой и кропотливой выверки, испытания на пригодность, подгонки к другим без зазоров; каждая фраза стоит особняком от соседней и сама расчленена неравномерными паузами свободного стиха на ничем не затененные, выпуклые, налитые плотной тяжестью языковые частицы. Здесь всегда и во всем угадывается мастер, не доверяющий наитию, пусть счастливому, предпочитая то, что сработано вручную и на совесть. У Гильвика раннего, тревожного, и у Гильвика позднего, задумчиво-просветленного, одна и та же хватка, та же манера письма—манера чеканщика лирических афоризмов, граненых и вместе с тем сохраняющих слегка загадочную недосказанность.

Докапываясь до истоков столь прочных и долговечных стилевых пристрастий, обычно вспоминают о детстве и юности Гильвика. О том, в частности, что его предки — бретонские ремесленники и крестьяне из прибрежной деревушки Карнак, где рыбачил его отец, пока не завербовался в жандармерию, чтобы избавить своих домашних от нищеты. Семья переселилась в Эльзас, когда мальчику было двенадцать лет, но и по сей день Гильвик, с 1935 года обосновавшийся в Париже, часто наезжает в родные места, а при случае не забывает подчеркнуть, что он выходец из Бретани. Он носит неизменный поморский берет, курит короткую трубку, в

последние годы отпустил окаймляющую лицо бретонскую бородку и даже имя свое просит произносить на бретонский лад: Гильвик, а не Гийевик, как оно звучало бы при строго французском выговоре. Карнаку он посвятил отдельную книгу, но и тогда, когда стихи его не о Бретани, знатоки улавливают в их суховатой оголенности подспудную память о тамошнем неброском море и пустынных ландах, о редком кустарнике и глыбах скал, в погожий день четко выступающих на фоне прозрачных далей, о скудном неказистом быте обитателей одной из самых бедных окраин Франции.

Не менее охотно отмечают и тот парадоксальный факт, что французский язык для Гильвика вплоть до армии был по преимуществу языком школы, книг (в Бретани он чаще слышал местный диалект, в Эльзасе — немецкую речь), что Гёльдерлина и Рильке он прочел раньше, чем Ламартина и Рембо. С осмысленностью взрослого открывал он во французском те грани, которые для других к этому возрасту уже стерты разговорной привычкой; отсюда же, быть может, та повышенная бережность и настороженное ожидание чего-то неспредвиденного, с какими он ведет стиховую кладку.

Есть и еще один момент, без которого редко обходятся статьи о Гильвике. Сын бедняка, учившийся на медные гроши и вплоть до выхода в отставку тянувший лямку чиновничьей службы по финансовому ведомству, сперва в провинции, потом в столице, он рано усвоил ненужность туманно-уклончивых словес и прочих узоров праздного красноречия. Для налогового инспектора, да еще и потомка тех, кто от зари до зари гнул спину, зарабатывая на хлеб, слова слишком ответственные, весомые, слишком значимы, чтобы позволить себе роскошь бросать их на ветер.

Все эти отсылки к биографии Гильвика, разумеется, не лишни. Однако они помогают войти в его лирику лишь в том случае, если в первую очередь учтена ключевая и им самим до конца осознанная установка. По природе своего дарования Гильвик меньше всего похож на птицу, поющую на ветке просто потому, что ей хочется петь. Он — работник, точно себе представляющий, зачем трудится и чего добивается. «Слова — для того, чтобы знать». Не очаровывать, не ворожить, а именно знать. Гильвик редко проповедует, еще реже исповедуется и совсем не грезит. Он вообще поглощен не тем, что внутри него, в подполье души, а тем, что вокруг. Вдумчиво и неторопливо прощупывает он с помощью слов материальную плоть вещей, поворачивает их то одним боком, то другим, разглядывает на свет, чтобы в конце концов выпытать их ревниво хранимую тайну. Вещи эти — самые что ни на есть обыкновенные, примелькавшиеся: стена, яблоко, туша, камень, птица, пруд, собака, дерево, веревка. Но как раз потому, что они наши близкие спутники, нельзя скользить по ним небрежным взором, оставлять их необжитыми. «Раскапывать неведомое и протягивать людям то, что добыто ломом и лопатой слов» — эту предписанную себе задачу Гильвик намерен осуществить здесь, рядом, в пределах повседневного жителя-бытия. А она требует ясности зрения, трезвого и открытого ума, неторопливой тщательности в попытках высказать несказанное, извлечь его наружу из-под спуда и сделать явным, очевидным. Без языка прямого, точного, скупого гильвиковские раскопки были бы попросту обречены на неудачу.

Сама по себе потребность в них, к тому же возведенная в ранг призвания, возникает, правда, тогда, когда близлежащее непроницаемо с первого взгляда, замк-

нулось в себе, отчужденное и недружелюбное. Гильвик пришел в поэзию с ощущением распавшейся миропричастности, утраченного согласия между личностью и обездушенной материей. За молчаливым хмурым обликом вещей ему чудилась затаенная угроза, и он был каждый миг начеку, опасаясь коварных подвохов. Выжженная, потрескавшаяся почва, пучина океана, где дремлют ископаемые пугала, пруд, плюющийся всякой дрянью, домашняя собака, переродившаяся в дикую зверюгу, и даже кухонная утварь, выскальзывающая из рук,— враждой веяло от многого, во что всматривался и до чего дотрагивался создатель книги «Из воды и глины», принесшей Гильвику признание. Следует помнить дату ее выхода в свет — 1942 год: вырвавшийся на волю злой хаос истории безнаказанно бесчинствовал на французской земле, и с ним пока не было сладу. Гильвик вовсе не прибегал к иносказанию, но ряд его трагических зарисовок воспринимался именно в этом ключе. Мучивший его разлад человека и мира был сродни той тягостной незащищенности перед лицом грозных потрясений, на которую обрек его соотечественников недавний разгром и хозяйничанье захватчиков во Франции. Свидетельство духовного климата тех лет и уже тем самым обвинение врагу, стихи Гильвика, который в тяжком и переломном 1943 году стал коммунистом, недаром печатались (под псевдонимом Серпьер) в прославленной антологии патриотической лирики «Честь поэтов», выпущенной его старшим товарищем и братом по перу Полем Элюаром. Через несколько лет, когда минует пора подцензурных намеков, Гильвик в «Исполнительном листе» (1947) предъявит прямой счет палачам со свастикой за учиненные ими зверства и разрушения, скажет об ужасе, гневе и жажде возмездия, к

которому вызывают груды трупов во рвах и братских могилах.

Но каким бы болезненным и щемящим ни было подчас у Гильвика сознание своей отлученности, заброшенности, оно рождало, даже в самые мрачные минуты, не тоскливую растерянность, а тягу преодолеть разрыв с окружением. Недоброжелательность одних вещей не делает его глухим к приветливым обнадеживающим позывным, исходящим от других. Рядом со зловредными чудищами обитают чудища добрые, и они тоже иногда пробуждаются. Дождь месит непролазную грязь, он же наливает румянцем щеки помидоров. Камни умеют и улыбаться, среди льдов пробивается цветок. Надо услышать «крик прорастающих зерен», разорвав завесу незнания. И для этого прибегнуть к испытанному поколением инструмента — слову, тому самому, которое ведь и создано, «чтобы знать».

Назвать — значит постигнуть, вышелушить ядро истины из скорлупы кажимости, пробиться к чистым, свежим родникам сквозь застилающий взор и внушающий опасения сумрак. Простое обозначение вещей рассеивает тревогу смотрящего перед неведомым, «испаряет страхи». Есть что-то от ритуального священнодействия в том, как Гильвик произносит слова, — он будто расколдовывает ими жизнь, снимает с нее враждебные чары. Только в этом обряде магические заклинания — не шаманство, здесь разум раздвигает границы своих владений. Гильвиковская рентгенокопия вещей есть причащение к ускользающей от поверхностного глаза работе, которая идет в каждой клеточке мироздания и в ходе которой дружественные человеку силы сошлись в схватке с силами, на него посягающими. Просвечивая житейскую толщу, угадывая нашор древесных токов под

корой и трещет плоти в замершем листе, Гильвик по своему претворяет завет Гийома Аполлинера, провозвестника поисков почти всей французской лирики наших дней: «Исследовать доброту — огромную область, где все затихает».

Подобное пытлиное созерцание менее всего созерцательно. Гильвику мало остраненно любоваться розой, он познает ее, как познают женщину. О нем трудно сказать «смотрит» — это физическое прикосновение, ласка взглядом, объятие. Прозревая скрытую сердцевину вещей, он словно побуждает их потянуться ему навстречу, он присваивает их энергию. Он их приручает. И оттого чувствует себя среди них не изгнанником, не жертвой своего удела, а хозяином судьбы.

«Достичь» (1949), «Земля для счастья» (1952) — в самих заголовках послевоенных сборников Гильвика провозглашается: людям дано искоренить несчастье, оздоровить все вокруг, завоевать радость.

Вдумчивому лирическому анализу здесь подвергнуты не только отдельные частные вещи, но и самый порядок вещей — общественный механизм бытия. Знакомство с жизнью изнутри и в самой ее исторической сути, добраться до которой сквозь все фетишистские легенды Гильвику-экономисту помог марксизм, укрепило его уверенность в том, что заведенный уклад — не навечно, что он поддается перестройке и человеку по плечу «переделать ночь в ласковый день». «С каждым днем — чуть побольше радости, с каждым днем — чуть поменьше беды» — таким видится ход дел на земле тому, кто еще вчера, случалось, замороженно каменел перед «лицом судьбы», который мерещился отовсюду три наплывах смятения.

В. столь радужных умонастроениях был, впрочем — из-за вполне понятной, но чрезмерной поспешности — небезопасный соблазн спутать желаемое и уже достигнутое. Гильвик его не избегал. Прежде всего — в сонетах 1953—1954 годов. Прометеевская мечта отдает в них прекраснотушеством, изыскатель, не боящийся острых углов, временами впадает в благостную близорукость. Мысль Гильвика, прерывисто пульсирующая, нуждающаяся в речевых сдвигах и шерепадах ритма, выравнивается принудительно-жесткой сонетной структурой и утрачивает свою пружинящую упругость, самобытность. Он подтвердил тогда (как и позже, в переводах из Шевченко, венгерских русских, грузинских поэтов) свою изопренную версификаторскую культуру, не без блеска справившись с формальными трудностями сонета. Но, по собственному его признанию, попытка «тянуть лук за перья, чтобы он скорее рос», не принесла ожидаемых результатов. Выбитый этим занятием из колеи, Гильвик надолго замолчал.

Зато через пять-шесть лет, очистившись от всего наносного, чужеродного и возмужав в сопротивлении кризису, творческий дар вернулся к нему еще более зрелым и щедрым. «Карнак» (1961), «Сфера» (1963), «Вместе» (1966), «Эвклидовы мотивы» (1967) — книги следуют одна за другой. В них по-прежнему узелок за узелком вывязывается ткань давно начатого разговора-раздумья о встречах с вещами. Разве что вещи ныне масштабнее, часто уже не вещи, а стихии — море, солнце, ветер, огонь; разве что горизонты лирики свободнее распахнуты в философскую ширь. Да и сам пристальный и пристрастный созерцатель теперь спокойнее, доверчивее: его больше не смущают прежние кошмарные гримасы, в его ясной настроженности не опаска, а чут-

кое внимание. Он помнит о горе, разрухе, поражениях, смерти. Но твердо знает, что испуганно шарахаться от них и стенать бесполезно, что с ними призван совладать труд. Умудренное и благодарное «приемлю», обращенное ко всему живому, воцарилось в поздних миниатюрах Гильвика. Испытуя предметы и тела взглядом в упор, разгадывая их загадки, он обнаруживает братские узы между ними и собой, свое кровное родство с горящим в них жизнетворным пламенем. Гильвик не спешит одухотворять материю, не навязывает ей себя, он старается бережно открыть в ней самой то, чем природа одаривает человека, что ему дорого и что, вопреки сегоднешним преградам, служит причиной их взаимной притягательности, их завтрашнего согласия.

В последние годы Гильвик не раз размышлял о том, что «спокойствие веков среди криков, стонаний и слез поэты призывают праздник и предуготовляют его... Певцы, насмешники, волшебники, чародеи, они, говоря о несчастье, на самом деле возвещают то, что придет ему на смену». Творец «открывает, конструирует, создает святыню, повергающую в священный трепет, он возжигает священный огонь... который придает величие и благородство нашей жизни, озаряет волнующей радостью, трагической радостью ее горестные и значительные дни. Это тот самый трепет, что рождается, когда человек достигает границ своего существа и пытается их переступить, а разум подбадривает его и следует за ним, в то же время боясь заблудиться».

Извечные золотые сны об одомашненном мироздании, о празднике по всей земле. Скептические умы отмахиваются от них как от убаюкивающей сказки. Гильвику они помогают бодрствовать, изо дня в день приручая словом неподатливые вещи. Делая их друзьями.

Самарий Великовский

МУРАВЕЙ

Ну, стоит ли взгляда
Груп муравья —
Неприметная точка
В зеленой траве?

Как известно, вселенная —
Царство людей.
Провиденье ошиблось,
Создав муравья.

Ах ты, мерзкая тварь!
Мы тебя кипятком!

Был бы ты покрупней
Этак в тысячу раз,
Да была бы винтовка в руках,

Уж поверь, муравей,
Неприменно тогда
Уважали бы люди
Тебя.

(1938)

Из книги
„ИЗ ВОДЫ И ГЛИНЫ“
(1942)

БЫЧЬЯ ТУША

Кровь из мяса текла, из мяса,
Где таинственно трепетала
Непостижимая теплота тела.

И еще до сих пор
Искры мерцают в глубине глаза.
Этот бок еще можно погладить,
Еще можно к нему лбом прижаться
И тихонько мурлыкать, отгоняя страх.

* * *

Не бойся, оставь это яблоко
До вечера на столе.

Мертвецам оно ни к чему.
И хлеба они не едят.
И молока не пьют.

* * *

А все-таки странно, что дождь,
Напоивший румянцем веселые щеки томатов,—

Тот же дождь замесил
Неотвязную, липкую грязь.

* * *

Заметишь, бывает,
Что тебе улыбается камень.
А как ему скажешь об этом?

ЧУДИЩА

Есть очень добрые чудища,
Они садятся рядом с вами за стол,
И ласково смотрят на вас,
И сонно кладут на вашу ладонь
Свою мохнатую лапу.

Как-нибудь вечером,
Когда вселенная станет багровой,
Когда бешено вадыбятся скалы,—

Они проснутся,
Эти добрые чудища.

ЛПК

Край камней и кустарника, скалы,
Раздраженные засухой.

Земля —
Воспаленная глотка,
Жаждающая молока,
Земля —
Одинокая женщина,
Тоскующая по мужчине,
Холмы —
Муравейники,
Ошпаренные кипятком,
Бесплодное чрево земли,
Медная музыка...

ЛПК
Судьбы.

* * *

Ох, эти вещи, эти столы и стулья,
Они никак не хотели прижиться
В нашем доме и в наших тревожных днях

И воротили нос от колодца,
В котором ведро
Билось о стенки,
Как толстая мясная муха о стекла...

А собака, рыжая, гибкая,—
Как ловко лакала она молоко
(Когда молоко забредало к нам в гости),
И как доверчиво пищу брала из рук,
И как открыто и честно играла с ладонями нашими!

О, потом она сбросила маску,
Стала коварным зверем,
Зверем разбойной повадки,
Зверем злобы и драки,
Зверем, готовым в ключья
Разорвать того, кто веселым свистом
Подзывает его к себе.

Собака издевалась над нами,
Она сознавала свое могущество
В силу закона,
Мерцавшего у нее в зрачках.
Она душила кур и цыплят.
Она сеяла смерть.

Зверь с горячим дыханием,
С клыками и влажным носом,
Из той породы, что любит в полях
Гоняться за осами
И натравливать их на другое зверье.

Страж неизвестно чего,
Чего-то ночного, кровавого
И враждебного человеку.

* * *

Стены, каким отчаянным воплем
Вы наполняете комнату —
Каким смертельным молчаньем!

* * *

Арестантская пайка хлеба, запах подмышек,
След грязного пальца на оконном стекле.

Но во владениях льда
Надо вырастить розу.

* * *

Раненая птица
На соборной кровле
Истекает кровью,
Тучу бьет крылом.

«В темных гротах я была,
И в высоких горах,
И в душистых цветах».

КАРНАК

Когда черный гигант,
Спящий среди ископаемых чудищ на дне морском,
Поднимается и глядит,

Звездам во впадине неба становится холодно,
И они сбиваются потеснее, чтобы согреться.

Мертвые очи ста тысяч мертвых
Падают в реки.
Плывут.

ПЕСНЯ

«Аминь»,— прошептала земля в печали,
Когда его гроб в нее опускали.

«Аминь»,— прошептала короткое слово.
А может, другое какое-то слово.

Но не кричала, вот что бесспорно.
Впрочем, он тоже молчал упорно.

Земля с человеком была заодно.
А больше об этом нам знать не дано.

ДОГОРАЮЩИЙ КОСТЕР

Там, внутри, в глубине,
Протяженность уходит, сжимается,

Сливается с бесконечностью.

И вот уже нет ничего — только шар,
Беспредельный, невидимый,
В котором чудовищной плотью
Пульсирует чернота.

А в немислимых далях
Одинокий, затерянный

Смотрит
Мерцающий глаз —

Догорает сердце костра.

* * *

Ну, конечно, ручьи, и дома,

И туманы,
И божья коровка,

И корявый дуб над обрывом,
С огромным дуплом,
Как со вспоротым брюхом,—

Ну, конечно, мы слышим ваш крик,
Его нельзя не услышать,
Этот крик вызревающих зерен,—

Потерпите еще немного!
Каких-нибудь два-три столетья,
И, пожалуй,
Мы с вами друг друга пойдем.

* * *

Нынче вечером пруд
Не поднялся еще на дыбы
Под ударами ветра.
Комнаты стыннут,
Как карпы. Страх
Засел в коридорах.

Погодите, пруд подступит еще
Под самые окна
И будет плеваться
Головастиками и камышами.

В ветре
Кто-то живет.
Кто-то мстит
Деревьям и стенам.

Человечьи тела, живые, горячие,
Исходящие потом,—
Только они
Выходят навстречу холоду, страху,
Грядущему.

Если пруд похотливо подыметя,
Не сладить ему
Со спокойствием нашим.
Наши руки, которые женщин ласкают,
Сумеют его приструнить и проткнуть ему брюхо.

Мы творцы.
Мы страх уничтожим. Из ночи
Мы сделаем ласковый день,
И будет нам нужно одно:
Ощущать под ладонью
Тепло человеческой кожи.

* * *

День ли будет
В полях
Или ночь —

Однажды ты непременно
Зачерпнешь ладонью
Дождевой воды из канавы.

Чтобы капля послушалась ветра
И упала на камень
Какой-нибудь древней стены
Между лесом и лугом.

Это нужно для камня,
Это нужно для капли,
Это нужно для нас.

•

* * *

Лишь стоило тебе
Щекой коснуться мха, у самых глаз увидеть
Два желтых желудя —

И ты уже забыл
Свою тоску и холод коридоров.
И даже

Простил фиалке склонность к чудесам.

.

* * *

Если парус гудит на ветру —
Значит, еще ничего не потеряно.

Поутру друг за дружкой гоняются волны.

Сердце бьется сильнеей
Поутру.

* * *

За окнами дерево. Хорошо, что за окнами дерево —
Залогом зеленым
Ушедших в землю корней.

Высокое, широкоплечее.

Листья подрагивают,
Точно руки ребенка во сне.

* * *

Да! Струится вода, и дерево ждет.

Струится вода по жилам земли,
Струится она под древесной корой.
И дерево ждет.

* * *

Древним как мир жестом
Под удары старинных часов
Две руки опрокинут кружку
В душном тепле хлева.

На грубое дерево лавок,
На старый скоблённый стол
Тяжелые руки лягут,
Дрожа от гнева.

* * *

Течет ручей
По сырой земле.

Он знает,
Как камни тверды,
Знаком ему вкус
Земли.

* * *

Мы создаем мир,
И он нам сполна воздаст:

Нами владеет мир,
Миром владеем мы.

* * *

Когда-то давно, когда осень
Тяжко валилась на землю раненым телом,
Медленно пропитывая подлесок рыжей своею кровью,
И когда вóроны перекрикивались над полями,

Предчувствуя за горизонтом странный праздник,—
О, как звал, как я тебя звал!

И праздник пришел —
Пришел позднее, издалека пришел...
Твое тело.

БАЛЛАДА

Все весенние ручьи
Тянутся к ее крыльцу.

Все степные скакуны
Ластятся к ее окну.

Птицы в рощах и садах
Вторят радости ее.

Вещи бережно храпят
Теплоту ее руки.

ПРЕДМЕСТЬЕ

Стены с трудом стоят на ногах
Вдоль этой улицы верткой.

Можно подумать, что жители, все как один,
О подоконники вытерли грязные руки
И скопом пошли на гулянку,
Где решается их судьба.

Надрывается поезд над улицей.
В тесных клетушках загораются лампы.

Порой в тишине раздается
Детский плач,
Обращенный к грядущему.

* * *

Крик совы,
Продиктованный ужасом,

С превеликим трудом вырывается
Из свиного горла,

И, окрашенный кровью,
Падает в лес,

И дробится брызгами эха
Над перепуганной чащей.

Из книги
„А МУЛЕТЫ“
(1946)

* * *

Вонзается в ствол пила.
Плоть дерева рассечена.
Но не береза — пила
Вошлями изошла.

* * *

Это было
Не птичье крыло.

Это лист
На ветру трепетал.

Только
Не было ветра в тот день.

• • •

У птицы в горле
Хранится верность
Грядущим вёснам.

Из книги

„ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТ“
(1947)

* * *

Пройдите цветником и поглядите —
Там, на краю лужайки, мертвецы.

Не больше сотни, но навалом, кучей.
Кишащие червями животы.
И ноги, очень много ног.

Мужчины, жепщины?.. Об этом скажет обувь.
А глаз не видно. Вытекли глаза —

Они, наверно, тоже
Предпочитали цветники.

(Из цикла «Бойня»)

* * *

Их скоро по возможности
Разделят

И каждого
В свою уложат яму.

Когда они все вместе, их молчанье
Невыносимо.

(Из цикла «Бойня»)

* * *

Здесь нет
Покойников,

Ни здесь, ни там — нигде
Не обретет покоя

То, что осталось,
Что останется навеки
От этих тел.

(Из цикла «Бойня»)

•

* * *

Нам хотелось всегда
Обогнать торопливое время,

Раньше него погрузиться
В свинцовую массу того, что еще не свершилось.

Заарканить вольное нечто,
Чего приручить не успело время,

И, прижимая добычу, глядеть,
Как, выбиваясь из сил, торопится время
К нашему берегу сквозь века и туманы.

* * *

Слова —
Для того чтобы знать.

Ты смотришь на дерево и говоришь: «Листва» —
Значит, ты дерево понял,
Ты даже к нему прикоснулся,

Значит, ты с деревом вместе
Неистово тянешься к свету,
Ищешь прохлады,

И значит,
Твой испаряется страх.

Из книги
„ДОСТИЧЬ“
(1949)

* * *

Взгляните,
Как неразлучны
Солнце и завтра.

Взгляните —
Взбегает на холм по тропинке
Деревенская девушка в красном платье.

Ведь это
Холм и тропинка
Тянутся к солнцу.

Ведь это
Нетерпеливое завтра
Пробивается в мир и кричит в нетерпении:

— Уберите с дороги камни,
Нависшие над людьми,

Взгляните на девушку, взгляните на красное платье,
На раскаленную почву холма,
Будьте солнцем!

■ * ■

Когда мечешь сено в стога,
Перед тобою — простор.

Когда мечешь сено в стога,
Вилы в руках горячи.

Когда мечешь сено в стога,
Уж тогда не зевай.

Когда мечешь сено в стога,
Солнце огнем горит.

Когда мечешь сено в стога,
Смерть далека,
Жизнь дорога.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Полю Элюару

Оно удивительным будет —
Дерево, которое первым встретит зарю
Утром первого дня.

Дня, когда тьма уйдет,
И не станет господ,

И народ,
Один на один с собой,
Увидит зарю.

Она удивительной будет —
Заря, которая приголубит дерево
Утром первого дня.

Дня, когда люди хлынут на улицы,
Когда люди, ликуя и празднуя,
Увидят дерево
В обнимку с зарей.

ЖИЗНЬ ДОРОЖАЕТ

Когда нам говорят,
Что жизнь становится дорожке,

Не значит это вовсе, что полнеют
Наши жены, что деревья

Вдруг потянулись вверх,
За облаком вдогонку,

Что можно путешествовать по свету
В чашечке цветка

И что теперь влюбленным можно
С утра до вечера не разлучаться.

Нет, это просто означает,
Что жить становится труднее,
Труднее с каждым днем.

НАГЛЯДНЫЙ УРОК

Кровь — очень сложная жидкость.
Она циркулирует в жилах.
Цвет у жидкости — красный
(Как правило, это не видно)
И довольно изменчивый,
Как трава под луной.

Кровь содержит кровяные тельца,
Тоже сложные по составу.

Итак, эта самая кровь,
Циркулируя в жилах,
Человека питает.

А пролить ее вовсе не трудно,
Достаточно ранки.

Кровь того, кто погиб случайно
И лежит ничком на дороге,
И кровь того, кто в бою за свободу
Пал на той же дороге,—
Это две различные вещи.

Каждая кровь по-своему красна,
Каждая кровь кричит о своем.

МОИ ЛУГА, МОИ ПРУДЫ

Эх, мои луга, мои пруды,
Вам не знать никогда доброты.

Вечно челюсти,
Вечно щупальца.

Вечно плоть терзать,
Вечно кровь сосать.

Вечно ртам кишеть
В сырой глубине,
В вашем гнилом огне.

Все живое хватать,
В клочья рвать-раздирать —
Ваша доля, луга да пруды.

Грызть, кусать, колоть,
Рвать живую плоть

И не знать
Никогда
Доброты.

А у нас, у людей, другая судьба.
С каждым днем — чуть побольше радости.
С каждым днем — чуть поменьше беды

И все меньше страха перед вами,
Перед вами, мои черные луга,
Перед вами, мои черные пруды

Из книги
„ЗЕМЛЯ ДЛЯ СЧАСТЬЯ“
(1952)

* * *

Я видел, как столяр
Колдует над свежим тесом.

Я видел, как столяр
Перебирает желтые доски.

Я видел, как столяр
Ласково доску гладит.

Я видел, как столяр
Подносит к доске рубанок.

Я видел, как столяр
Пахучую доску строгает.

Я слышал, поет столяр,
Доску к доске подгоняя.

Стою я у новых полок
И столяра вспоминаю.

Наши ремесла схожи:
Я ведь колдую тоже.

Перебираю слова, строгаю,
Одно к одному подгоняю.

♪ * *

Я ходил без тебя в луга,
Я ходил без тебя к цветам.

Я смог без тебя сто тропинок пройти,
Я смог без тебя у ручья прилечь,
Я смог без тебя весь вечер нести
Тяжесть своих одиноких шагов.

Больше я так не могу —
Без тебя.

ВЫЗОВ

Кусты увешаны розами,
Невероятно тяжелыми,
Удивительно яркими.

Белые розы, розовые,
Желтые, красные.

Краски,
Из других измерений
Пришедшие.

Краски,
Землею вышлеснутые.

От этих красок
Чернота земли
Хочет избавиться,

Чернота земли
Швыряет их нам в лицо.

Краски,
Которые нам протянуты розами,
Раскрытыми, точно лоно.

Краски —
Неслыханный вызов.

Необходимый вызов.

• • •

Я видел песок на пляже,
И я не хочу умирать.

Я слышал песню тюленей,
И я не хочу умирать.

Я лег на песок на пляже,
И я уснул на песке.

Я спал на песке под ветром.
И ветер песком играл.

И мною играло время,
Но этого я не знал.

Я спал на песке под ветром,
Я спал у подножья камня.

И стал мне теперь понятен
Крик моря и шепот скал.

Я повял песню тюленей,
И я не хочу,
Чтоб она кончалась.

• • •

Розы,
Почти что губы,
Почти что тело,

Розы,
Нечто большее, чем цветы,
Розы,
Преддверие тела,
Которого жаждешь, —

Рядом с вами я понимаю,
Что же такое — губы
И что обещает тело.

• • •

Я сделал выбор.

Я вижу:

По ту сторону стены
Раскинулось под жарким солнцем поле.
По эту — тенистый дремлет сад.

И я не знаю, что мне больше любо —
Лицо или изнанка тополиного листа,
Вода в канале,
Или облако и ласточка под ним.

Но я свой выбор сделал.

Вся прожитая жизнь
Мне говорит о битве.
Вся прожитая жизнь
Меня готовит к битве,
К прекрасной битве
Против горя,
За счастье.

Земля и солнце, камни и деревья,
Река, дороги, рощи, —
Я знаю,
И это вы мне помогли узнать,
Я знаю:
Я выбрал верно.

Из книги
„БАРНАК“
(1961)

* * *

В море гляжу —
Будто надеюсь увидеть глаза.

Гляжу в глаза —
Будто море в них вижу.

* * *

Только в Карнаке
Небо дружит с землей,
И сливается с ней,
И образует свой мир,
Отрешенный от прочего мира
И плывущий сквозь толщу времен.

* * *

В Карнаке белье,
Которое сушится на кустах и веревках,

Вбирает в себя
Все, что есть радостного
В солнце и ветре, —

Приглашение
К песне.

* * *

Любопытно, а как ты относишься
К синеве, которой тебя заливают на картах?..

А может, и впрямь тебе хочется
Стать таким голубым?

* * *

Море без плоти —
Плотное,

Море без губ —
Ласковое,

Без языка —
Кричащее,

Без кожи —
Дрожащее.

* * *

Неутомимое... Утомленное...

Море, где отыскать эпитет,
Который к тебе не подходит?..

* * *

Отец твой —
Безмолвие.

Долг твой —
Движение.

Отказ твой —
Туман.

И твои сновидения.

* * *

Прости меня, море,
Если осколок булыжника,

Подобранный на дороге
Или на узкой тропе,

Иногда мне милее
Твоей отшлифованной гальки.

* * *

Море, ты как никто понимаешь,
Что́ это значит — любить землю,

Ты лучше чем кто-либо можешь понять,
Как хочется иногда
Жить от тебя вдали.

* * *

Ветер, песок и море,
Вы друг другу
Назначили здесь свидание.

Стоит ли притворяться,
Будто встретились вы случайно?

* * *

Я с тобой говорю,
Что-то меня заставляет
С тобой разговаривать, море.

Я с тобой говорю.
Будто ты можешь меня услышать

Я с тобой говорю.
Почему?
Ты случайно не знаешь?

* * *

Море, спасибо,
Что ты не похоже на нас,

Упрямо мечтающих
О невозможном —

О спокойствии.

* * *

Я пишу о тебе
В краю, где буйствует зелень, —
Мне кажется, что сюда
Докатываются
Твои волны.

* * *

Дай нам хотя бы то,
Что в тебя вложено, море.

Вместо бога, которого мы
Бросили в твои волны,

Нам нужно, нам очень нужно
Обрести праздник.

Впрочем, и у тебя
Праздника что-то не видно.

Я говорить о тебе не умею.

О волнах твоих говорить
Нужно глухо,
Размеренно и невнятно.

Грозно говорить
О твоём гневе.

С великим спокойствием —
О твоей дремоте.

* * *

Да если б каждый час, что я живу,
Стал годом
Или даже веком,

И если б на заре
Петух, не умолкая,
Пел целое столетие подряд,

И если б солнцу
Понадобились долгие века,
Чтобы подняться над соседней крышей. —

Я все равно бы не сумел привыкнуть
К тому, что рядом ты.

Из книги
„СФЕРА“
(1963)

* * *

Когда не станет меня на свете,

На плечи скал навалится
Новое время,

День, тревожнее, чем всегда,
Потянется к морю.

Может, пчела к цветам
Своей полетит дорогой,

Но цветы будут больше ценить
Росы прозрачную тяжесть.

Грязь в колеях будет ждать прохожих
Уже не с таким нетерпением,

Будет больше бояться солнца
Дно соседней каменоломни.

Вам будет меня не хватать —
Я связывал вас друг с другом.

Кто будет теперь заполнять
Пропась, что лежит между вами?

Вы все
Будете на меня в обиде,
Что нет меня с вами.

* * *

Единственная дыра
В плотной завесе
Тишины и ленивой воды —

Чайка с фарфоровым глазом
На кромке прибоя
Терзает добычу.

ПРИВАЛЫ

Иногда мы с тобой заходили
В укромные кабачки.

Мы спускались вниз по ступенькам,
Выбирали столик по вкусу.
Вокруг была тишина или неразборчивый шепот.

Самым давним и верным клиентом
Здесь бывал полумрак.
Он подолгу сидел за каждым из столиков,
Но не чурался и солнца.

А солнце
Брало тебя за руку, прикасалось ко лбу,
К стакану.
Потом уходило, как забытое божество.

Это были привалы. Время для нас останавливалось.
Мы выросли.

И всегда немного другими
Выходили на улицу
Из полутьмы кабачка.

КРУГЛОЕ

— Разве что-нибудь есть на земле
Круглее, чем яблоко?

— Если под словом «круглое»
Понимать что-то просто круглое,
Тогда бильярдный шар
Круглее любого яблока.

Но если ты словом «круглое»
Называешь тугое, плотное,
До краев налитое круглостью,
Круглое сочной тяжестью, —

Нет ничего на земле
Круглее, чем яблоко.

НА ДОРОГЕ

Бывало, не раз на дороге
Тебе повстречается
Неведомый страж,

У которого нет лица,
Но есть подобие взгляда,
Подобие рук.

Иногда ты как будто
К нему прикоснешься, ударишь его.

А ведь, пожалуй,
Нет никого
На дороге.

ЗВЕЗДНАЯ ПУТАНИЦА

Ночь иногда выдается
Удивительно ясная

И до того удивительно звездная,
Что в ее торжественной путанице

Ты едва различишь
Здесь и там
Несколько звезд —
Те, которые обречены.

БИЕНЬЕ

Ни движенья, ни ветра, ни птицы. Только ночь
на земле.

Только отсутствие шума медленно бьется во мгле.

ЖИЛИЩА

Я поселился однажды в дрозде.
Пожалуй, теперь я знаю,
Как просыпается дрозд и как он пытается
Выразить
Свет,
Который сквозь гущу багрового мрака
Пробивается в чащу.

Вместе с колосом
Я вертикально взлетал в высоту.

Вместе с прудом
Робко ощупывал
Сонное тело туманов.

Я жил в цветочном бутоне
И видел, как солнце
Терпеливо
Его побуждает раскрыться.

Жил я в плодах.
Им хотелось подольше остаться на ветке.

Жил я в глазах.
Им хотелось улыбки.

В КОЛОДЕЦ

Значит — в колодец,
В колодец, на дно.

Прочь от всего,
Подальше от всех.

И в темноте
Вспоминать,
Забывать.

Но постойте, а праздник?
Для кого будет праздник?

А он обязательно должен прийти —
Праздник.

Я ПИШУ ТЕБЕ

Я пишу тебе из страны темноты.
Не из ночи, а из темноты.

Пишу,
Потому что темно.

Пишу на стене,
А стена — на дне темноты.

*

Кругом темнота — вот почему я тебе пишу.
Кругом стена — вот почему я пишу на ней,
Пишу для тебя.

Не знаю, откуда пришла темнота.
Я — внутри темноты.
Я пишу тебе на стене, на дне темноты.

■

Знаю: снаружи
Нет темноты.

*

На ощупь стена — прямая стена.
Но боюсь, что она не пряма.

Говоря, что стена —
На дне темноты,
Я пытаюсь подбодрить себя.
Пишу на стене,
Чтобы ты прочла.

*

Если когда-нибудь ты прочтешь
То, что тебе пишу на стене,

Ты будешь хотя бы знать,
Куда прибило меня судьбой.

*

Но что, если это —
Твоя стена,
Что, если я на твоей стене,
В твоей темноте пишу?

И ты никогда не сможешь прочесть
То, что пишу для тебя?

*

Я знаю солнце,
Яблони знаю.

Знаю то странное множество
Разновидностей темноты,
Что именуется светом.

*

Я под властью его трепетал.

У меня горизонта нет
За пределами той стены,
На которой тебе пишу.

Я пишу тебе
Только то, что я знаю.

•

Правду пишу,
Которую выдержать может стена
На дне темноты.

*

Снаружи я жил бы не так,
Я фанфарой бы день возвещал,
Горел бы костром посреди дорог,
Когда полдень вонзает горячие шпоры
В крутые бока земли.

Но на чем я писал бы тебе,
Если б не было этой стены?

*

Снаружи я бы уже не знал,
Кому я пишу.

Снаружи, в огне, на ветру,—
Каким бы он стал,
Тот, кто должен тебе писать?

*

Но настанет день
— Это будет днем? —
Через тьму и свет
Мы пойдем вдвоем.

И тогда в нашу честь
Вспыхнут горячим светом,
Понятным и близким светом
Яблони, скалы, реки.

И тогда я стану тебе писать
На всем, что будет нас окружать,
На всех излучающих ласку вещах —
И снаружи, и в темноте.

И больше мне
Не придется писать
В темноте, на глухой стене,

На которой пишу сейчас.

И что за беда, если в этот день,
Средь белого дня,
На дне, в глубине,
Останется пласт темноты, —

Ведь будешь со мною ты
Дорогу к свету искать,

Ведь буду тебе писать
Губами на теле твоём.

■

А пока я пишу на стене
На дне темноты:

«Благословлю твои колени
И день, когда вздрогнут они

У меня под ладонями,
Как под ветром листва».

■

И мы пойдем
Вдвоем к горячему свету.

* * *

Равнина — вся точно ком в горле,
Точно сдавленное рыданье.

В поле хлеба с трудом переносят
Пень жаворонка, его кувырманье.

А может, стынет в тоске не поле,
А тот, кто на поле смотрит?

* * *

Кто-то поет —
Тишина, наверно.

За тишиной
Кто-то рыдает.

Это, должно быть,
Тоскует время.

* * *

Вечности
Мы не утратили.

Нам другого
Скорей не хватало:

Мы не умели претворить ее в будни,
В луга, в облака,

В слова и поступки,
Понятные людям.

Но для себя мы ее сберегали.
Это было не очень трудно.

И порой
Нам вдруг становилось ясно,
Что вечность — мы сами.

* * *

Бывает, что и дрозду
Становится холодно.
И тогда он — всего лишь птица,
Которая ждет тепла.

И тогда он простой бродяга,
Неприкаянный и несчастный.

Потому что без песни
Пространство
Бесстрастно.

* * *

Нет, неспроста
При виде малейшего пламени
Мы вздрагивали с тобой,

Неспроста каждый раз
Перед свечою, костром
Наши руки друг друга искали,

Точно некий обряд совершали —
То ли славили пламя,
То ли его заклинали.

* * *

Когда мы достигли
Границы возможного,

Мы эту границу
Нарушить отважились.

Быть может, тогда нам была прощена
Наша вина —

Наше счастье.

* * *

Вслед за нами придут другие.

Будет больше у них терпенья,
Больше ловкости и упорства.

И земля устоять не сможет
Перед их красотой и силой.

А поддержкой им будет песня —
Та, которую
Мы сложили.

Из книги
„ВМЕСТЕ“
(1966)

ВИШНЯ

Ну, вот ты и стала
Такой, как мечтала, —

Сплошной белизной
Горизонту на страх,

Девчонкой-невестой
С цветами в руках.

Только где жених?
И когда придет?

ЧАЙКИ

Для них вселенная — голод,
Пустое пространство,

Для них вселенная — время,
Которое нужно, чтобы пронзть пространство
Криками голода,

Время, чтобы с пространством вместе
Ввинчиваться в пласты голода,

И неотступно преследовать море,
И неистово проклинать море

За то, что оно обуздать не хочет
Ни пространства, ни голода.

СОСНЫ

Неуклюжие сосны, вы стоите над ландами
И кричите в простор,

Где слышит вас только пространство, живущее в вас,
Да, может быть, птица, которая, тоже кричит.

Неуклюжие сосны, порою вы будто не здесь,
Будто заняты чем-то своим

И отданы кем-то во власть необъятному небу,
Которое отдано кем-то во власть необъятному ветру,—

И стараетесь вы удержать, сохранить время и тишину,
И силитесь вы от себя не отречься,

И вы очень похожи
На людей в городах.

РЕЦЕПТ

Возьмите старую черепичную крышу
Вскоре после полудня.

Рядом поставьте
Высокую липу,
Подрагивающую на ветру.

Поместите над ними, над крышей и липой,
Синее небо,
В белой кипении облаков отмытое поутру.

И не вмешивайтесь.
Глядите на них.

МЕРТВАЯ

Вспоминают ли о тебе —
Хоть изредка, хоть мимоходом —
Другие синицы?

Имя твое не забыли?

МОЛНИИ

В череду наших дней
Иногда ударили молнии.

В разрывах мелькало
То, что должно свершиться,

Мы прикасались к тому,
Что рвалось к нам из будущего,

Наша походка
Становилась чуточку тверже,

И немного отодвигалось место,
Где предстоит нам упасть.

Жаль, что редко свершались молнии.

* * *

По себе ли я плачу
Или по людям?

Слезы лью над своими слезами
Или над общим горем?

Впрочем, разве я плачу?
Кричу.

АНКЕТА

1. Бывает ли вашим глазам
Яркий свет неприятен?

Бывает ли так, что свет
Вас уносит на крыльях?

Этот свет — он один и тот же
В первом случае и во втором?

2. Сообщите, есть ли у вас
Любимый цветок.

Знает ли сам он об этом?
Если да, то откуда, по-вашему,
Удалось ему это узнать?

3. Чьею силой,
Какою силой
Вам хотелось бы обладать?

И зачем?

4. Приходилось ли вам быть травой,
Которую топчут?

Понимали ли вы, почему
Топчут именно вас?

5. Когда вы смотрите на небо,
Которое смотрит на землю,

Вам не приходит в голову,
Что небо, пожалуй, могло бы
Не только смотреть?

6. Если б на свете был бог,
Который существовал бы
Лишь ночью,

Что в этом случае вы предпочли бы:
Спать по ночам, в мире, где бог?
Или спать только днем, когда бога нет?

Тот же вопрос
Относительно пробуждения.

ДОБЫЧА

Вы меня скоро сдаваете, богини мои,
Заграбастаете меня.

Вы меня заполучите полностью —
С душой, с потрохами.

Так что вовсе и ни к чему эта ваша нелепая спешка,
Жадное нетерпенье,
Неисловство.

Вы ведь видите — я к вам иду,
Хоть, признаться, порою и мешкаю
На самых обрывистых склонах.

Кто же из вас так обозлен на меня?
И к кому я сейчас обращаюсь?
Не знаю.

Впрочем, если быть до конца откровенным,
Я знаю, конечно, знаю:

Я обращаюсь к ходу вещей,
К обстоятельствам, к вероятности, —
Ни к кому.

ТВОЙ СПУТНИК

Нечто неясное
Шагает рядом с тобой,
Сопровождает тебя повсюду.

Оно — или это он? — всегда по ту сторону
Чего-то прозрачного.
Всегда с тобой неразлучно.

Он глядит на тебя неотступно,
Будто глядеть на тебя —
Для него наслаждение и долг.

Он живет для того, чтобы мог ты идти вперед.
Он как зов,
Он снимает усталость.

Без него
Ты споткнешься.

Ты давно бы упал на дороге,
Когда бы грядущее
Не держало тебя на прицеле.

* * *

Время жатвы всегда угадаешь
По тишине деревень

И по глазам крестьянки,
Идущей к тебе через двор.

* * *

...Что тем временем делало время?
Прислушивалось сначала.

Потом ему, видимо,
Надоела моя персонка,

И стало оно искать,
Чем бы еще заняться.

Поскребло на стене пейзаж,
Заглянуло на кухне в кастрюлю,

Пошептало о чем-то со мхом
На черепичной крыше.

И всю ночь до утра
Пряталось среди дождевых капель.

Утром, когда взошло солнце,
Время не утомонилось.

Это, верно, оно
В чистом небе смеялось.

И уж, конечно, это оно
Посвистывало в лесной чаще.

* * *

Вдалеке, в глубине
Кукушка кукует.

Кто-то тоскует, кто-то стремится
Приоткрыть и раздвинуть пространство —

И заполнить его.

* * *

Приходит ветер,
Семян разносчик
И птичьих криков!

Врывается ветер
Туда, где от мира
Надеялся ты укрыться!

* * *

У ворот деревенской фермы
Я иногда останавливаюсь,
Как перед входом в собор,

Захваченный мощью двора,
Его торжественной щедростью,
Его завершенностью.

А снаружи солнечный день
Атакует его
Рассыпанным строем,

Накатывается волной,
Хочет смять, хочет смыть,
Но, смирясь, преклоняет колени,

И тогда огромное небо
Над кровлями риг и амбаров
Становится витражом, пронизанным дрожью.

* * *

Дороги идут через поле,
Дороги идут через лес,

Иная — шальная — забирается в чащу
И там пропадает,

Как человек, который зачем-то
В одиночку срывается с места

И уходит туда,
Где никому он не нужен.

* * *

Только туда, где была пустота,
Пропитанная ожиданьем,

Где кто-то был одинок,
Изнывая
В ожидании и в пустоте,

Где стыло нагое пространство,
Продутое бессмысленным ветром,
Прилетевшим из пустоты,

Только туда, где кто-то
Рвался за пределы мирка,

Наполненного ожиданьем,
И пустотой, и бессмысленным ветром,

Только туда, где кто-то нашел
Силу, которая в силах
Стать отрицанием ветра, —

Только туда другие придут,
Чтобы изгнать пустоту.

* * *

Из цикла
„УРОВНИ“
(1966)

* * *

Неведомый свет струился в ночи.
А впрочем, ночь ли тогда была?..

Может быть, днем это было, и свет
Был просто сияньем дня.

Или пришел этот странный свет
Из дальних стран,
От чужих небес.

А может, его излучал человек,
И тот человек был я.

* * *

Я перегнулся через борт лодки
И зачерпнул озерной воды.

Потом посмотрел на свои ладони —
Не было в них тебя.

Выходит, я зря старался —
Не было в них тебя.

* * *

Я прислушался —
То была птица,
И птица пела.

Я прислушался —
Разумеется, птица пела,
Пела, что я иду.

Думаю, птица заранее знала,
Что я здесь пройду.
Об этом заранее знали деревья,
Знали поля,
Дороги и небо.

Я чувствовал, что я тоже
Частица деревьев, полей, неба,
Частица доверия, которым все они дышат
В эти погожие дни.

А птица — она мое эхо,
Мой двойник,
Или просто — я.

Частица меня, над которой я больше не властен
И которая растворяется в деревьях, в полях, в небе.

Из книги
„ЭВЛИДОВЫ МОТИВЫ“
(1967)

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ

Идешь, а пространство бескрайне,
Рядом с нею идешь,
И очень хочется поболтать.

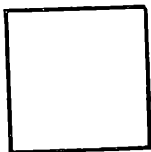
Но все, что ты скажешь,
Знает она заранее,

Потому что с древнейших,
С незапамятных самых времен
Идете вы рядом.

А в мечтах
Вы встречаетесь с ней,
Пересекаетесь
И сливаетесь.

А в мечтах
Ты идешь с нею вместе —
В ней.

КВАДРАТ

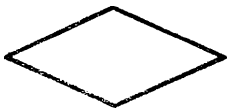
Любая из твоих сторон,
На трех соседок глядя,
Себя в них видит и собой любуется.

Но кто же с кем подружится из них?
Те, что касаются друг друга?
Иль те, что параллельны?

А тут еще углы,
И в них сердито тычется пространство,

А у тебя своих забот
Хватает...

РОМБ

Квадрат обмяк,
Устал,

Дал за углы себя схватить
И ромбом стал.

И загрустил:
А вдруг он промахнулся,
А вдруг бы жизнь иным путем пошла,

Подставь он
Два других угла?..

ТОЧКА

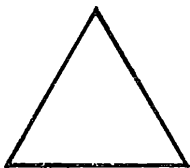
Наверное, я — плод
Случайного романа
Двух линий.
Я одинока в мире.

Вот говорят: он вышел
Из такой-то точки,
И еще: дошел до точки.

Что это значит? Я не знаю.

...А вдруг
Меня сотрут?

РАВНОСТОРОННИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Я слишком далеко
Зашел в любви к порядку.

Увы, мне больше не о чем мечтать

СИНУСОИДА

Ах, как томительны вечные спуски,
Как утомительны вечные взлеты!..

В каждой ложбине,
На каждой вершине —

Тщетной надеждой — мечта о привале,
Об остановке, о передышке.

ЦИКЛОИДА

Интересно, какие песни
Синусоида бы запела,

Доведись ей вот так же
Камнем лететь с обрыва

И, едва опомнившись от удара,
Снова карабкаться по крутому склону...

ЖЕЛАНИЕ

Мне бы так говорить научиться,
Чтобы вы меня слышали,
Но не знали,
Что говорю с вами именно я.

Чтобы даже не знали,
Что вообще с вами кто-то беседует.

Говорить научиться,
Как камни.

(1967)

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРЕ ФРЕНО

Перевод М. Кудина

<i>Б. Слуцкий. Родина в сердце</i>	5
Нотр-Дам	11
Иль-де-Франс	12
Тишина в Бургундии	13
Древняя память	14
Северный вокзал	15
День	16
Воскресенье	17
Продается дом	18
Кто чем владеет?	19
Жизнь, ветер	20
Ночные светила	21
Благожелательность	22
Небытие	23
Слова поэзии	24
Тост за друзей	25

Мой дом	26
В бухте	27
Трудная жизнь (<i>Монолог женщины</i>)	28
За деревней	29
Кухня видит сны	30
В Карибском море	31
Восточный вокзал	33
Сентябрь 1939 года	35
Поле поражения	36
Заживающая рана	37
Бранденбург	38
Соберем опавшие	39
Женщина потерянных дорог	40
Дорога	42
Париж	46
14 июля	48
Воспоминание о Жозефе, рыбаке из Коллиура	50
Обретенная страна	51
Испания	52
Бесполезная машина	53
Говорит женщина	54
В честь прибытия на королевский праздник	55
Потерянное детство	57
Раз нет в нем любви	58
Последний эскорт	59
Просто любовь	60
Будущее	61
Превращение	62
Без любви	63
Живое присутствие	64
Послание	65
Если он	66
Погасший дом	67

Чтобы наполнить мой смех	68
Была ли любовь . . . :	69
На руках у ветра	71
Песня разносчика	72
К далеким пределам	73
Возвращение из пустыни	75
Канун : : :	76
Несчастные дети	79
Не любя никого	80
Год на год не приходится	81
Задаток	83
Крестьяне (<i>фрагмент</i>)	85
Военная зоология (<i>для взрослых</i>)	86
Портрет Жака Превера	87
Рождество на железной дороге	88
Несколько слов, произнесенных котом	90
Конец года	91
Скромное рождество	92
Час ребенка	93
Голубые глаза	94
Эпитафия	95
Вторжение слов	96

ГИЛЬВИК

Перевод М. В а к с м а х е р а

<i>С. Великовский. Приручение вещей</i>	99
Муравей (1938)	109
<i>Из книги «ИЗ ВОДЫ И ГЛИНЫ» (1942)</i>	
Бычья туша	110
«Не бойся, оставь это яблоко...»	111

«А все-таки странно, что дождь...»	112
«Заметишь, бывает...»	113
Чудища	114
Лик	: 115
«Ох, эти вещи, эти столы и стулья...»	116
«Стены, каким отчаянным воплем...»	118
«Арестантская пайка хлеба...»	119
«Раненая птица...»	120
Карнак	121
Песня	: 122
Догорающий костер	123
«Ну, конечно, ручьи и дома...»	124
«Нынче вечером пруд...»	125
«День ли будет...»	: 127
«Лишь стоило тебе...»	128
«Если парус гудит на ветру...»	129
«За окнами дерево...»	130
«Да! Струится вода...»	131
«Древним как мир жестом...»	132
«Течет ручей...»	133
«Мы создаем мир...»	134
«Когда-то давно, когда осень...»	135
Баллада	136
Предместье	137
«Крик совы...»	138

Из книги «АМУЛЕТЫ» (1946)

«Вонзается в ствол пила...»	139
«Это было не птичье крыло...»	140
«У птицы в горле...»	141

Из книги «ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТ» (1947)

Цз цика «Бойня»	142
«Пройдите цветником...»	142
«Их скоро по возможности...»	143
«Здесь пет покойников...»	144
«Нам хотелось всегда...»	145
«Слова...»	146

Из книги «ДОСТИЧЬ» (1949)

«Взгляните...»	147
«Когда мечешь сно в стога...»	148
Первый день	149
Жизнь дорожает	150
Наглядный урок	151
Мои луга, мои пруды	152

Из книги «ЗЕМЛЯ ДЛЯ СЧАСТЬЯ» (1952)

«Я видел, как столяр...»	153
«Я ходил без тебя в луга...»	154
Вызов	155
«Я видел песок на пляже...»	156
«Розы...»	157
«Я сделал выбор...»	158

Из книги «КАРНАК» (1961)

«В море гляжу...»	159
«Только в Карнаке...»	160
«В Карнаке белье...»	161
«Любопытно, а как ты относишься...»	162
«Море без плоти...»	163
«Неутомимое... Утомленное...»	164

«Отец твой...»	165
«Прости меня, море...»	166
«Море, ты как никто понимаешь...»	167
«Ветер, песок и море...»	168
«Я с тобой говорю...»	169
«Море, спасибо...»	170
«Я пишу о тебе...»	171
«Дай нам хотя бы то...»	172
«Я говорить о тебе не умею...»	173
«Да если б каждый час, что я живу...»	174

Из книги «СФЕРА» (1963)

«Когда не станет меня на свете...»	175
«Единственная дыра...»	177
Привалы	178
Круглое	179
На дороге	180
Звездная путаница	181
Блесье	182
Жилища	183
В колодец	184
Я пишу тебе	185
«Равнина — вся точно ком в горле...»	189
«Кто-то поет...»	190
«Вечности мы не утратили...»	191
«Бывает, что и дрозду...»	192
«Нет, неспроста...»	193
«Когда мы достигли...»	194
«Вслед за нами придут другие...»	195

Из книги «ВМЕСТЕ» (1966)

Вияня	196
Чайқи	197

Сосны	198
Рецепт	199
Мертвая синица	200
Молнии	201
«По себе ли я плачу...»	202
Анкета	203
Добыча	205
Твой спутник	206
«Время жатвы всегда угадаешь...»	207
«Что тем временем делало время?...»	208
«Вдалеке, в глубине...»	209
«Приходит ветер...».	210
«У ворот деревенской фермы...»	211
«Дороги идут через поле...»	212
«Только туда, где была пустота...»	213

Из цикла «УРОВНИ» (1966)

«Неведомый свет струился в ночи...»	214
«Я перегнулся через борт лодки...»	215
«Я прислушался...»	216

Из книги «ЭВКЛИДОВЫ МОТИВЫ» (1967)

Параллельные линии	217
Квадрат	218
Ромб	219
Точка	220
Равносторонний треугольник	221
Синусоида	222
Циклоида	223
Желание (1967)	224

**ФРЕНО
ГИЛЬВИК
ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ**

Художественный редактор *А. Куцов*
Технический редактор *А. А. Пономарева*
Корректор *Н. Молчанова*

Сдано в производство 18/VII—1968 г. Подписано
к печати 24/XII—1968 г. Формат 70×108^{1/32}. Бум. л.
3,625. Печ. л. 14,5+2 вкл. Уч.-изд. л. 4,98. Заказ
№ 251. Цена 72 к.

Издательство «Прогресс»
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21

Московская типография № 20 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Рижский пер., 2

